

ДАША ТАРАТОРИНА

НАСЛЕДНАЯ
ВЕДУНКА

16+

Даха Тараторина

Наследная ведунка

«Автор»

2020

Тараторина Д.

Наследная ведунка / Д. Тараторина — «Автор», 2020

Ну и зачем я с ним связалась? Единственную ведунку в городе уважали и побаивались, условно законный бизнес шёл в гору ввиду отсутствия конкуренции. А потом появился Вис. Наглый, рыжий и совершенно бессовестный! Он попытался меня ограбить; я его - убить. Не преуспели оба. И почему, спрашивается, мы до сих пор не расстались?!

© Тараторина Д., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	37
Глава 6	45
Глава 7	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Даха Тараторина

Наследная ведунка

Глава 1

Нет веры мужикам!

Труп моего бывшего оказался донельзя тяжёлым.

Не могу сказать, что предусмотрела это заранее. Я женщина эмоциональная, обидчивая. Сначала проклиная, а потом уже думаю. Ну так и он явно ляпнул, забыв воспользоваться головой по прямому назначению!

Я зло сплюнула, целя в дупло кряжистого дуба. Промазала. Бросила край мешка, за который волокла нелёгкую женскую долюшку, и приложила к фляге.

Нет, в принципе, денёк выдался неплохой. Солнышко с каждым часом припекало всё отчётливее, вытапливая последние лежалые снежные комья из самых холодных и тёмных уголков леса, почки уже седмицу как сыто набухали, а птицы верещали так, словно не пару призывали, а требовали снижения налогов и свержения толстопуза с трона, как было каких-то три десятка лет назад. Я ностальгически прикрыла веки. Хорошие всё-таки были времена, весёлые! То тебя на костре сжечь пытаются, то притаскивают последние сбережения, чтобы отвести от деревни чуму... Нынче не то. Ведьма-нет, все чихать хотели! Ни уважения, ни развлечения.

Фляжка оказалась пустой. Я разочарованно перевернула её, потрясла... Нет, всё ещё пустая!

– Скотинушка! – ласково сообщила я мешку, самую чуточку, для порядка, пихая его носком сапога. Мешок ожидаемо воздержался от ответа, поэтому я, ещё немного пощурившись на пронизывающие ветви золотистые лучи, вздохнула и потащила поганца дальше.

Нет, ну, право слово! Неужели я просила слишком многого? В конце концов, ведьма – тоже женщина, Лиль мог бы и сам догадаться, что рано или поздно (а в моём случае это не имеет особого значения) я захочу замуж! Разве я так требовательна? Не скандалила ведь, когда он бегал ночами к дочке конюха, возвращался с сеном в волосах и клялся, что всего лишь задремал подле любимой лошади! Ну, про лошадь, положим, не соврал. Морда у этой дамочки та ещё... Мне уже достаточно годочков, чтобы не обманываться по поводу мужской верности. Хочешь разнообразия – развлекайся! Ну а я хочу накидку из заморских шелков, огромный каравай и чтобы соседки на сироп изошли от зависти!

Хороший муж он же что? Он же ничего для тебя не пожалеет! Хочешь платье новое – на; хочешь корону – выбирай к ней камень; хочешь пригласить подружек на свадьбу – надписи оскорбительные для их встречи держать станет.

Но Лиль, как выяснилось, не только человеком хорошим не был, так ещё и мужем становиться не собирался. «На таких, как ты, – говорит, – не женятся! Только погреться холодными вечерами и годишься». А нащёптывал ведь, обещал, мерзавец!

Не женятся на таких, как я, видите ли! Да я, между прочим, четырежды замужем была! И только трое из женихов шли к алтарю не по своей воле!

– Ну тебе-то чего надо? Не видишь, женщина горюет! – я резко развернулась, безошибочно выделяя среди подгнивших пеньков самый рассохшийся и здоровенный.

Пенёк закряхтел, заворочался, с некоторым трудом выкорчёвывая из земли тоненькие ножки.

– Ещё разок-другой так погорюешь, в Холмищах вообще мужиков не останется! – проворчал старикашка с зеленоватой, покрытой мхом бородой.

– Ничего, на твой век хватит, дедуля!

– Побойся Лесовки! Да я тебе в сыновья гожусь! – обиженный Пенёк рванул ко мне в попытке доказать, что молод если не телом, так душой, но на середине пути у него прихватило поясницу, так что спесь пришлось подбить. – Ить, старость не радость...

– И вечная молодость гадость, – поддакнула я. – Есть подозрение, что всех нормальных мужиков я уже пережила. Только такие вот и остались.

Я для удобства заткнула подол юбки за пояс, присела на корточки, отодвинула мешковину, чтобы с некоторой (весьма небогательной) долей сочувствия полюбоваться на смазливую физиономию в обрамлении чёрных, идеально уложенных поутру щипцами локонов. Бабуля бы небось на такого не купилась, а я... Век живи, как говорится, а ума не накопишь. Как не умела в людях разбираться, так и не умею. Нечего и пробовать.

Пенёк боязливо потыкал жертву ведьминой истерики веточкой:

– Зомбьяком не станет, не? – уточнил он на всякий случай.

Я отмахнулась:

– Да нет... – и с лёгким сомнением, вспоминая, чего вообще намудрила на ритуале, добавила: – Не должен...

Посчитав ответ в меру отрицательным, дедко взгромоздился на грудь недвижимого тела и деловито сунул ветку ему в ноздрю.

– Ну и куда ты бедолагу теперь?

Я равнодушно пожала плечами, всматриваясь в убегающую в чащобу сырую мглу. Ветер потрепал волосы, точно успокаивая, и я по привычке пригладила щекотные кончики. Нет, с длинными всяко удобнее было, не стоило отрезать. Ну да ладно, зато издали видать, что ведунка идёт. Ведь только она осмелилась бы, насмехаясь над традициями, обкорнать косу под самый затылок. Было бы, что терять...

– Прикопаю где-нибудь, что ещё?

– Угу, аккурат к утру копать закончишь, – дедуля подёргал бывшего за уши, пощёлкал пальцами перед глазами – нет, не реагирует. – К послезавтрашнему.

Я небрежно оперлась на лопату. Копать и правда не хотелось.

– И что предлагаешь?

Не доискавшись признаков жизни у Лиля, Пенёк прикрыл его мешком, укоризненно покачал заросшей ковылём головой.

– Там, к ручью ближе, бесхозная медвежья берлога. Пошли, покажу.

– Ну показывай...

Поднатужившись, я таки доволокла тело до места. Собиралась сделать это торжественно, даже полную упрёков речь подготовила, но так измоталась и хотела пить, что попросту пнула мужика в яму. Сверху остались торчать красные щегольские сапоги.

Я любила тебя, самодовольный ублюдок. Так, как только может любить уже многожды обжёгшаяся о жизнь женщина. И, честное слово, я могла бы сделать тебя счастливым. Если бы ты захотел...

«Только погреться холодными вечерами и годишься»... Ты не представляешь, как иногда недостаёт именно этого.

Я вдохнула как могла глубоко, подавив всхлип. Старик точно не расскажет никому и не станет смеяться, но оставаться сильной нужно даже наедине с собой. Тогда, возможно, через много, очень много лет, сама начнёшь в это верить.

Хотя бы запах не меняется. Каждую весну десять, пятьдесят, сто лет назад... Он всегда именно такой. Сладкий, липкий, душистый, полный надежды. Каждый год весна заставляет меня глупо на что-то надеяться.

Красные щегольские сапоги дрогнули, и я едва подавила порыв хорошенько припечатать их лопатой. Вместо этого для вида накидала сверху немного земли, по большей части состоящей из перегноя и прелых листьев, и заключила:

– Надо бы помянуть засранца, как думаешь?

– Это уже без меня, – скривился Пенёк и пояснил: – Люди – мерзкие.

– Не могу не согласиться, – усмехнулась я. – И именно поэтому с ними интересно иметь дело.

Я закинула лопату на плечо и, не оборачиваясь, потопала обратно к городу.

Ворота так и остались настезь. Пришлось опереться плечом о столбик, заодно переводя дух и скрывая позорную одышку, чтобы стражники обратили на меня внимание. Один, опустивший нагретый солнцем шлем на нос, только глянул и равнодушно мотнул головой: проходи, мол; второй, лениво перебрасывающий кости с кем-то скрытым широкополой шляпой, приветливо поздоровался.

– А чего без мешка? – чтобы хоть разговором развлечься, поинтересовался он.

Я удивлённо приподняла брови:

– Ну как же? Ещё утром честно сказала, что труп хоронить иду.

Верно. Так и сказала. Мужики тогда захохотали, выпуская меня из города, и не подумали взаправду осмотреть: ведьма, что с меня взять... Не поверили и теперь.

– Да тыфу на него, на труп-то! Мешок хороший был, могла бы и поберечь! – всё так же добродушно захекекал мужичок, локтем тыкая приятеля, чтобы похвалил шутку. Но тот ничего не ответил, взгляда не поднял. Бросил кости – ровнёшенько три шестёрки. Жулик!

Уже когда я, вежливо обсудив со стражником погоду и возможность за небольшую плату призвать дождь над огородом его бабки («Но токмо так, чтоб к соседке не попало!»), отошла, он окликнул снова:

– Варна! Эй, Варна! Ты выпить идёшь сегодня?

А что? Прохладный квас или кружка пива были бы не лишними. Так сказать, залить горяшко. Да и вообще в «Трёх елях» пиво вкусное.

– Посмотрим. А что?

– Да не, ничего! – смутился охранник. – Искали тебя просто. Сказал, захаживаешь вечерами.

Я не стала расспрашивать, кто да зачем. Искали – найдут. Через недельку землю сушить начнёт, так я вообще всем понадобится: кто же ещё с Тучей договорится? Меня подкупить всяко дешевле, чем божество задабривать. Так, не забыть взвинтить цены...

Вообще пиво и правда хорошая идея. Дома, конечно, тоже закрома не пустые, но ноги сами привели к излюбленной харчевне. Кивнув паре знакомцев и втихаря передав корчмарю примочки от чирьев, я получила сыто булькающий запотевший кувшинчик и целую миску солёных крендельков за счёт заведения. Устроилась за столиком у окошка, который всегда старались сохранить в чистоте и незанятым – для вашей покорной слуги. Пузо, как ласково прозвали владельца заведения, держал слово и бесплатно меня угощал. Я же, в свою очередь, держала в секрете от его жены причины болячек, которыми он обзаводился с завидной частотой и ежегодно пролечивал не без моей помощи. Обозначенная жена, кстати, тоже не гнушалась ворожбой: то проклясть супруга на недельку жесточайшим поносом, то отсушить язык излишне говорливому любовнику. Но об этом я уже не считала нужным докладывать Пузу.

Местечко всё ж хорошее. Сколько его помню, всегда таковым и оставалось: темноватым, сыроватым, душноватым, из-за чего приходилось приоткрывать ставни даже в лютый мороз. Но никто не жаловался. Холод лишь повышал спрос на горячее вино зимой и неизменно проигрывал в упрямстве завсегдатаям.

Сегодня и вовсе красота. Тёплый сквозняк шевелит волосы, кренящееся к закату солнце бросает алые блики на цветное стекло и растекается медовым сиропом по столу, смешивается с золотистым пенным, капает на колени. Я довольно зажмурилась и приложила к кружке, чтобы, опустив её, иметь сомнительное удовольствие лицезреть ввалившегося в харчевню бывшего. Измазанного землёй, страшно воющего, кашляющего и тянущего в сторону своей убийцы желтоватые пальцы...

Неужели всё-таки напутала с проклятьем? Я наморщила лоб и зашевелила губами: засушенная лягушка (по рецепту требовался лягух, но досматривать окоченевший трупик я поленилась), молоко с каплей крови, прядь волос обречённого... Может, проблема в том, что Лиль волосы подкрашивает? Ну так у него седых всего пара прядей, не больше, вряд ли именно они попались...

– Ты! – взвыл полюбовничек, схватил с ближайшего стола кувшин и опрокинул в охрипшую пересохшую глотку. – Ты убила меня!

О, так он разговаривает? Значит, всё-таки не зомбьяк... Эх, зря с Пеньком на деньги не спорнула!

Я забросила кренделёк в рот и сосредоточенно им захрустела. Ошарашенный таким пренебрежением женишок был вынужден подойти поближе и повторить обвинение. Я окинула его любопытствующим взглядом:

– По мне, так ты вполне себе живой.

– Ты похоронила меня! – Лиль попытался завладеть моей кружкой, но я вовремя подтянула её за ручку. – Уби-и-и-ила!

– Если бы хотела убить, любимый, ты бы уже не откопался, – заметила я. – Всего лишь маленькое заклятие окончения и небольшой урок на будущее. Думаю, из него и так следует, что я тебя бросаю, но, если ты вдруг не понял, – я приложила ладонь тыльной стороной ко лбу и возрыдала на радость публике: – Между нами всё кончено, неверный!

Однако трагичное расставание его несколько не демотивировало.

– Ты похоронила меня заживо!

Я немного отодвинулась, чтобы осыпающаяся с бывшего земля не запачкала сапоги. Едва вычистила их после прогулки по лесу, не хватало всё сначала начинать! Пришлось уточнить:

– Ну неглубоко же...

Однако мои манёвры Лиль счёл попыткой отступить и восторжествовал, топоча, как капризное дитя, и пачкая пол к явному неудовольствию жены Пуза – редкостной чистоплюйке!

Некогда холёные, а ныне грязные и исцарапанные пальчики сомкнулись на воротнике моей рубахи. Я вырваться не стала, заставив тем самым красавчика несколько смутиться, а прямо-таки с научным интересом принялась рассматривать кавалера: и что дальше делать будем, а?

Ола, жена Пуза, в обнимку со шваброй выросла за спиной чумазого Лилия и принялась ожесточённо тереть пол, видимо, надеясь стереть с него не только грязные следы, но и их источник.

– У тебя всё хорошо, детонька? – озабоченно поинтересовалась она.

«Детонька»! Я тебе впервые режущиеся зубки заговаривала, Ола!

Я выглянула из-за плеча Лилия, не пытаясь освободиться, и заговорщицки приложила палец к губам:

– Тш-ш-ш! Мне тут обвинения зачитывают!

Женщина понимающе кивнула и продолжила намывать пол у щегольских красных сапог. На месте Лилия, я бы очень осторожно обходила мокрые участки: за сутки его уже один раз хоронили, а ожить сразу дважды – неоправданное везение.

Восставший из мёртвых осторожно, неуверенно и, видимо, примеряясь, встряхнул меня за грудки. Я сдержала смех и в меру умения изобразила раскаяние, чем побудила пострадавшего продолжить поиск справедливости.

Раз уж в моём декольте её, справедливости то бишь, не обнаружилось, пришлось прибегнуть к общественному порицанию.

– Люди... – принялся Лиль озираться в поисках поддержки. – Люди! Неужели вы не видите?

Люди видели. Некоторые не поленились передвинуть стулья поближе, чтобы не упустить ни одной сочной детали.

– Она же... ведьма!

Я покайнно развела руками: ведьма и есть. Хотя, конечно, предпочла бы более традиционное «ведунка».

Со всех сторон раздался громогласный хохот.

– Да что ты говоришь?

– И как это ты заметил?

– Ишь, какой умный! Сам догадался али подсказал кто?

Я едва сдерживала хохот, Лиль – истерику. Всё-таки самое болезненное место для ударов у мужчин – гордость. Он раскраснелся, как ароматный, сочный варёный рак... Гм, раки. Жаль, не сезон, а то сейчас бы под пивко хорошо пошли...

Не стоило отвлекаться. Он всё-таки предпочёл выставить себя полным идиотом и замахнулся в недвусмысленном желании разбить мне нос: неумело, но действенно.

И тут явился Он. Мой герой, спаситель... Тьфу! Незванный придурок явился.

– Как смеешь ты поднимать руку на прекрасную даму?!

Он пнул дверь, не зная, что Пузо с первого тепла и до осени приделывает к ней верёвочку, чтобы держать непритворённой. Верёвочка натянулась, тренькнула и лопнула, дверь с удвоенной пинком скоростью понеслась навстречу самодовольной роже вошедшего. Тот поспешно отпрыгнул, налетел на стол, опрокинул блюдо с мясным пирогом. Блюдо поймал на лету, а покотившийся пирог пришлось внаклонку догонять, подбирать, отряхивать и водружать обратно.

– Это ваше? Нет? Да? Прошу прощения! Вот, так... Теперь как новенький. Что это? Пылинка? А мы её снимем и отбросим. Ну вот, – он протёр хрустящую корочку рукавом длинного кожаного плаща, который я заприметила у незнакомца ещё проходя ворота. – Как новенький! Даже лучше! Так, о чём это я?

Незнакомец отбросил назад фалды плаща, явно жалея об отсутствии ветра, что заставлял бы их героически развеяться. Поставил ногу на пустующий стул...

– О, место занято? Ничего-ничего, присаживайтесь...

Убрал ногу с занятого стула и, прокашлявшись, начал заново:

– Как смеешь ты поднимать руку на прекрасную даму?

Развернулся, поняв, что впопыхах потерял объект поношения и, наконец, метнулся к нам, чтобы заломить занесённый, но так и не опущенный кулак обалдевшего Лилия.

Бывший сразу запищал, как девица: знатному красавчику не приходилось драться с малолетства.

– Ой-ёй-ёй! Пусти, дурак!

– Такой свинье место в свинарнике! – патетически закончил пришелец, намереваясь победоносно вытолкнуть противника за порог.

И тут Лилия прорвало. Униженный, напуганный, переживший жуткий кошмар (я старалась!) и уже успевший распрощаться с жизнью, он обезумел. Бросился в прыжке на непрощенного защитничка, сбивая с ног. Покатались царапающимся, ругающимся, ломающим мебель

клубком. Ола помчалась следом, пытаясь не то протереть пол сразу за драчунами, не то залепить кому-нибудь из них шваброй.

Честное слово, я собиралась следить за потасовкой! Но не удержалась, глотнула ещё пива, а когда переставила миску с крендельками на колени, чтобы болеть было сподручнее, противники уже стояли друг напротив друга, чуть ссутулившись и согнув руки. Что дворовые коты, право слово! Небось и эти тоже поорут да разойдутся.

– Да ты знаешь, с кем связался?! Да я тебя сейчас одной левой... – принялся бахвалиться Лиль. Надо отдать ему должное, это он умел. Не драться, нет – расхваливать себя. Даже я, помнится, заслушивалась.

Он и правда попытался напасть. Кинулся вперёд, уже понимая, что сохранить в целости сможет что-то одно: либо конечности, либо честь. Выбрал, видимо, второе. И прогадал.

Потому что незнакомец, сначала, вроде, принявший честный бой и тоже двинувшийся вперёд, присел, пропуская удар над теменем, потом вскочил, как кузнечик, выпрямив одну ногу...

Нога аккуратно ударила Лиля в промежность. Надо признать, я ждала звука, с каким бьётся толстостенный глиняный горшок. Но звука не последовало. Лиль молча двумя ладошками сжал сокровенное и завалился на бок, а незнакомец, отряхнувшись, направился к моему столику.

– Не стоит благодарностей, миледи, – галантно поклонился он.

Я едва пиво не выплюнула: благодарить не собиралась точно! А этот наглец, небрежно опершись локтем о столик, поинтересовался:

– Позвольте составить вам компанию, о длинноногая прелестница?

Проследив его многозначительный взгляд, я выругалась и поспешно выправила подол из-за пояса. Это что же, я через весь город так шла, и ни одна скотина не предупредила? Решили, что с ведьмы станется новую моду на укороченное платье ввести?!

Не дождавшись ни разрешения, ни ручки для лобызания, незнакомец элегантно откинул полы плаща и упал на второй стул.

– Вы наверняка узнали меня, о длинноногая прелестница! Да-да, не стоит падать в обморок! Перед вами правда я – гроза толстосумов и первый ловкач Когтистая лапка!

Я не удержала суровую мину и всё-таки улыбнулась:

– Кто?

Мужчина не поленился подняться, повторить выверенное движение с плащом ещё раз, и, чуть менее элегантно, плюхнуться.

– Ловкач Когтистая лапка.

Я пожалала плечами: да хоть хвостик бубликом!

– Когтистая лапка! – безнадёжно повторил незнакомец. – Ловкий вор и насмешник, удачливый авантюрист... – добавил многозначительно: – Дамский угодник...

Не отрывая от него взгляда, я шумно сёрбнула пивом. Мужчина тяжело вздохнул и пробормотал:

– С кем только не приходится работать... – протянул руку и представился по-простому: – Вис.

Я изобразила некоторое внимание движением бровей, всё ещё не углядев причины заводить знакомство, и Вис попробовал зайти с другой стороны. Он отклонился назад, закинул ногу на ногу и приобнял спинку стула локтем. Поправил рыжие кучеряшки на голове жестом, который наверняка и обеспечил ему славу дамского угодника, но не произвёл на меня никакого... или почти никакого впечатления.

– В тех краях, откуда я родом, с дамами так не обращаются, – таинственно сообщил он, как бы сразу подразумевая расспросы о тех самых прекрасных краях.

А я, засранка такая, не купилась, не повелась и не спросила. Я вообще слишком стара для этой фигни.

– Могу ли я предложить составить вам компанию на случай, если этот субъект, – не поворачиваясь, он указал подбородком в сторону тихонько поскуливающего Лиля, которому кто-то добросердечный уже поставил прямо на пол кружку с питьём, – не угомонится?

Я скорчила самую неприветливую гримасу и поднялась, показывая, что, если компания не испарится сама, то испариться придётся мне.

– Тогда, быть может, – Вис поймал моё запястье и не сдержал восхищённого восклицания: – До чего нежная кожа! Ну разве можно такой прекрасной женщине травить себя плебейскими напитками! Позвольте... – уже на середине фразы лис сообразил, что подход не работает, и закончил куда более спокойным голосом без заискивающих ноток: – В таком случае, это вы должны поставить мне пива. За спасение.

Вот такое я ценю. Чтобы без всех этих кучерявостей и сразу по делу. Так бы и сказал, что денег нету, а выпить хочется! Я криво улыбнулась, подхватила полупустой кувшин, побруздала, проверяя, осталось ли что, и поставила перед хитрецом.

– Варна, – обронила своё имя и вышла из харчевни, не преминув напоказ перешагнуть через недвижимое тело бывшего.

Дома ждал разгром. То есть, наверное, тот, кто рыскал по комнатам, думал, что делал это незаметно. Ничего не разбил, не украл и постарался вернуть на места. Но разве от меня скрыть, что настойки чертополоха и зверобоя, в почти одинаковых, но всё же отличающихся бутылках, поменяли местами, букетик цветков папоротника висит вверх ногами, а покрывало на кровати бахромой к стене, хоть должно подметать ею пол.

Пенёк ждал на ступеньках, подперев кулачками бородавчатые щёки. Ябедничал он с особым наслаждением:

– Ты ж знаешь, что тебя грабить приходили?

Я присела рядом, вытащила из кармана специально для него прихваченную горсть кренделков. За ними же явился, старый хрыч! Знал, что не забуду!

– Догадалась уже.

– Наглый такой. Не озирался, не проверял всё по сто раз, тайники сходу определил.

– А ты мог бы и отвадить воришку, – обиделась я. Вот и подкармливай эту нечисть неблагодарную!

– А зачем? Не взял же ничего, по местам разложил. Даже пыль протёр, у тебя ж, небось, руки ещё долго не дошли бы.

И то верно: не дошли бы. Что мне та пыль? Лежит и лежит, есть не просит.

– Запомнил, воришку-то?

– Вы, люди, все на одно лицо, – недовольно прокряхтел старикашка, но, когда я попыталась отобрать остаток гостинца, поспешно добавил: – Одежда у него приметная. Плащ кожаный, длиннющий, почти до пят. Я б носил такой...

Я выхватила у замечтавшегося лесовичка последний кренделёк, закинула в рот и задумчиво добавила:

– Может, ещё и поносишь...

Глава 2

Загляните в гости, милорд!

К нашему свиданию я начала готовиться ещё утром. Встать пришлось в такую рань, что сонный соседский петух поленился орать, а лишь встрепенулся и коротко возмущённо кудахтнул, когда его потревожила лохматая, непрестанно зевающая баба с глазами-щёлками.

– Ку-кудах? – поинтересовался он, не слишком рассчитывая на ответ.

– Суп сварю! – пригрозила я, и птичка сразу раздумала интересоваться целью визита ведунки в чужой хлев.

Ага, вот и они! Инвентарь хранился тут же, в пристройке с низким потолком, так что я легко отыскала сети и без зазрения совести отмахнула от них кусок ножом. Справедливо рассудив, что хуже не будет, воткнула нож в стену коровьего стойла, подставила под рукоять кувшин, совершенно случайно (на самом деле, нет) прихваченный с собой. Тонкая белая струйка сбежала по желобку и весело зазвенела в таре.

Конечно, я вполне могла купить молоко. Тем более, что и так собиралась на рынок, куда и снесли бы утренний удой. Но тогда это лишило бы нас с Гаритой взаимного удовольствия: её – пожаловаться на издыхающую жадную корову, приносящую всё меньше пользы хозяйству; меня – сочувствующе поохать и предположить очередное страшное проклятие (в котором, знамо дело, именно меня за глаза соседка и обвинит).

Едва не уснув, пока кувшин наполнялся, я покачнулась, чуть было не обернула посудину, пощипала щёки и, подхватив парное, направилась домой. Приготовления только начинались!

Всё ж таки жаль, что не бывает, как в сказках. Чтобы встала на заре, махнула рукавом, может, наговор какой добавила – и все дела переделаны. Чтобы наморщилась, поднатужилась – и неведомая сила всколыхнулась где-то под сердцем, выплеснулась...

Я сорвала с лица паутину, в которую ухитрилась угодить, пока ползала на четвереньках по полу, вырисовывая углём клетки навроде птичьих. Точно, не забыть пауков сушёных! А люди ещё недовольны, мол, ломит Варна цены за колдовство... На вас бы поглядела, когда всю эту дрянь к заклинанию заготавливать стали бы!

Я отмылась от пыли ледяной водой и, в качестве вознаграждения, позволила себе присесть на крылечке с молоком и пышным куском белого хлеба. Самой бы потом такой же пышной не стать...

Поплотнее завернула плечи в платок, обхватила чашку ладонями – ещё тёплое!

– Скоти-и-и-ина! – заверещали в соседнем дворе. О, Гарита проснулась! Вот тебе и доброе утречко...

Я блаженно зажмурилась: всё-таки ежедневная брань соседки с мужем стала неотъемлемой частью идиллической картины. Помнится, я злилась на них, потом жалела. Пару раз порывалась напоить втихаря пробуждающим страсть отваром, пока не поняла, что чего-чего, а страсти этим двоим хватает: мирились, несмотря на почтенный возраст, они столь же шумно и многословно, сколь и ссорились, причём тоже везде, куда только могли залезть. Одно время думала переехать в отдалённый домишко, да хоть в самом лесу. Чем не жильё для ведьмы? Но в прошлом году соседи отлучились на именины к некоему богатому родственнику, имущество которого разрослось до целого хутора, задержались там на месяцок, и я заскучала.

Скоро ведь и этих двоих не станет. А я останусь всё та же. Не мёртвая, но и не живая, а лишь наблюдающая за чужой жизнью со стороны, как любопытное солнце, подглядывающее за людьми, но не способное стать частью суетящегося внизу мира.

Ничего, появятся новые соседи, друзья, любовники. Появятся, постареют, помрут... Да чтоб вас всех!

Я отсалиutowала кружкой Гарите, сунувшей нос во двор.

– А у меня каша убегает! – сообщила она вместо приветствия.

– Ужас какой! – притворно ахнула я. – Надо скорей догонять!

– Никол, скотина такая, собаке поутру не дал! А я ж с вечера сказала, что сегодня пораньше покормить надо, а он дрыхнет, представляешь? И каша убегает ещё, пока я тут с тобой.

– Каша – это серьёзно, – согласилась я. – Убежит – не догонишь.

– Ага, – соседка невозмутимо перегнулась через забор, откинула задвижку калитки и зашла; встала передо мной, уперев руки в бока, по-хозяйски осматривая имущество и подозрительно пригнувшись к моей кружке. Кончики завязанного узлом на лоб платка шевелились в такт движениям маленького остренького носика, слепленного богами специально для того, чтобы совать его в чужие дела. Я сделала ещё один большой глоток и радушно улыбнулась, не соизволив стереть белые усы. – Ежели пригорит, жрать вообще нечего будет!

– Нечего, – подтвердила я, с сожалением отмечая, что вскорости солнце скроется за высоким соседским домом и, чтобы понежиться на нём ещё хоть немного, придётся лезть на крышу. Сдвинулась, освобождая место на ступеньке. – Присядешь? У меня со вчерашнего белый хлеб лежит, – чуть посомневавшись, всё-таки добавила: – С сыром.

Гарита непритворно оскорбилась:

– Да ты что?! У меня же там каша убегает! – и... не сдвинулась с места.

– Да-а-а, каша – это горе.

– А вчерась, слышала, женишку твоему в «Трёх елях» морду набили!

А, ну, всё ясно теперь! И как только утерпела, не разбудила меня среди ночи! Это ж, если бы мне кто другой сплетню принёс, мироздание бы рухнуло! Ну как не отблагодарить хорошего человека за заботу?

– Ага, – я сделала вид, что смущённо потупилась, – знаю. Любовник мой набил... Обозвал меня девкой неверной и набил...

– И тебе?! – уронила челюсть Гарита.

– Не, только Лилю. И, знаешь, вовсе и не морду...

– А что же?! – тётка аж подалась вперёд, рискуя завалиться из-за смещения центра тяжести с внушительного зада на внушающий не меньше уважения перед.

Я показала глазами, куда. Гарита восторженно охнула, прикрыла рот рукой, видимо, чтобы информация не покинула через него голову раньше времени. Странно, что уши и нос не заткнула.

– Знаешь, пойду я, пожалуй, – нервно комкающие передник ручонки явственно говорили о том, что пойдёт Гарита не домой, и что новость распространится быстрее, чем я доберусь до рынка, – а то у меня каша убегает...

– Кошмар! – поддержала я и, понизив голос, поманила соседку к себе: – Только ж ты никому, ага? Мне слухи не нужны...

– Да чтоб у меня язык отсох! – оскорбилась сплетница и вприпрыжку помчалась в сторону двора сестры, даже не пытаясь скрыть сей факт.

Ну, теперь можно быть спокойной: чтобы сплетня не дошла хоть до кого-то из жителей (или приезжих) Холмищ, он должен быть глухим. Да и то Гарита ради такого дела научится изъясняться жестами.

Хорошая всё-таки женщина! Всегда можно на неё положиться. Прошлым летом, когда я по жаре да понадеявшись на защиту забора вышла в огород и вывернула на себя ведро воды, она разнесла всем, что ведьма пляшет по двору голышом, дабы тем самым обеспечить себе хороший урожай. Насчёт урожая не знаю, но отбоя от клиентов, особенно мужеского полу, в том году не было до самых холодов, когда и самые ярые оптимисты перестали надеяться на зрелище.

Одеться предстояло позаметнее. Так, чтобы ведунка не ускользнула ни от чьих глаз. Желательно ещё и так, чтобы не оставалось сомнений: баба я гулящая, мужиков меняю, как высокородная девица туфельки, и вообще позор мне и порицание.

Благо, подходящий наряд нашёлся без труда. Нет, ну а что? Это молодёжь нынче хорошие вещички за просто так выбрасывает, а я вот сберегла: сгодится. И платье, что хранилось в сундуке уже лет двадцать, вполне сошло за новомодное, привезённое из заграниц пылким возлюбленным. Я с замиранием сердца втиснулась в наряд и облегчённо выдохнула лишь тогда, когда осознала: и правда сошлось. Гм, раньше казалось, что оба разреза, и возле правой, и возле левой ноги не такие высокие. Это мода так поменялась, я постарела или попросту швы разошлись? Впрочем, всё одно смотрится неплохо. Я ещё немного распустила шнуровку у груди, дабы особенно выразительно горестно вздыхать, втянула живот, чтобы ткань не треснула, пока наклонялась натянуть сапоги. Разгладила складки, любуясь на себя в зеркало.

А ничего! Ещё могу! И без косы, с беззаботно торчащими в разные стороны волосами, ничуть не хуже, чем была когда-то!

Повесив корзинку на сгиб локтя, я отправилась кормить клеветников и привлекать внимание.

Нет нужды искать воришку, если воришка сам явится к тебе.

К полудню вместо хитрого лиса удалось уложить в корзину пучок ранней зелени, дюжину яиц, медовый пряник и бутылку самогона, коей, видимо, и предстояло запивать мой безнадёжный провал. Нет, пальцами в меня тыкали исправно. Пытались и завязать разговор, чтобы исподволь вызнать что-нибудь свеженькое, и посочувствовать, и осуждающе поцокать, изо всех сил маскируя зависть под негодование.

Но Когтистая, чтоб его, лапка не явился! Я тут, значит, наряжаюсь, прихорашиваюсь, нюхаю печально сморщившийся букетик зелёного лука, сидя на солнцепёке, а эта скотина предпочла проигнорировать столь явственные знаки внимания! Ну и кого прикажете вести в ловушку? Вон того облезлого козлёнка, которого беззубый дедок пытается всучить хоть кому-нибудь? Дурак, кстати. Нанял бы меня за десяток монет, – получил бы бойкую крепенькую козочку, а так отдаёт животное за бесценое и явно на жаркое. Но навязываться не в моих правилах. Кому надо, сам найдёт и сам всё предложит.

Кстати, да! Гордая я и независимая или как? У меня, между прочим, даже кот есть! Не совсем мой, и не то чтобы есть... Но приходит к углу дома исправно и объедками не брезгует. А раз так, то и нечего за мужиками, будь они хоть сто раз красавчиками, гоняться!

– Ну и пошёл ты, – пробормотала я, швыряя покупки в лукошко и поднимаясь.

Но, стоило заторопиться восвояси, торговцы сразу почуяли, что потенциальный заработок ускользает.

Один вырос словно на пустом месте, хотя наверняка давненько ошивался рядом. Немудрено, что не заметила: макушкой мне едва до бедра достаёт!

– Тётяшка, купите пирожка! – пискляво предложил недорослик, скрытый лотком с выпечкой почти целиком. Из-под подноса, пристроенного на голове, как шляпа, торчали только зелёные остроносые ботиночки.

В животе тут же требовательно заурчало, и я, не заставив себя уговаривать, кинула монетку. Мелькнула маленькая сморщенная ручка – и сверкнувшая денежка бесследно исчезла.

Надеюсь, этот пирожок не станет последним ударом по целостности моего платья: оно и без того заставляло дышать весьма осторожно и неглубоко, а когда сажусь, спину держать так ровно, словно припрятала под корсажем ухват.

– Кваску? – волосатая ручища, размером и толщиной напоминающая ногу, причём, медвежью, зачерпнула кружкой напиток из бочки и впихнула мне с такой силой, что я завалилась

на спину. Благо, у скамейки имелась спинка, так что далеко падать не пришлось, только квас расплескала.

Щупленький мужичонка, предлагающий прохожим питьё, набрал было во впалую грудь воздуха, чтобы потребовать плату или справедливо возмутиться, но, оценив габариты продолжения ручищи, передумал и молча отбуксировал бочку на колёсиках на противоположный край площади.

Щурясь против солнца, я подняла глаза на мужика, по привычке ожидая, что тот, потоптавшись на месте, заведёт разговор об услугах ведунки. Не впервой чать. Спрятавшееся за его затылком светило не позволяло разглядеть лица, но впечатление громила всё равно производил неизгладимое.

Когда затянувшееся молчание стало совсем уж неприличным, кавалер осклабился, коротко и ёмко сообщив:

– Ы!

Я сёрбнула квасом:

– Ага, именно так и подумала.

Ответ здоровяка полностью устроил. Он по-детски пнул камешек на мостовой, развернулся и стреканул, быстро скрывшись в толпе.

Я пожалала плечами, доела, пристроила кружку на скамье и, так и не дождавшись встречи, потащила покупки к дому. Нет, надо всё-таки завести мужика. Хорошего такого, крепкого, как та детина. Нельзя одинокой хрупкой женщине, пусть даже и ведьме, столько тяжестей таскать: то продукты, то трупы...

Едва открыв дверь, я, на всякий случай, подняла очи к закопчённому потолку и пробормотала:

– Мешок золота... Мешок золота...

Ну, попробовать стоило. Мечты о мужике же сбылись, да к тому же так оперативно!

Мужик сидел там, где ему и полагалось: в заготовленной мною с утра ловушке. Правда, я предполагала, что воришка не настолько глуп, чтобы явиться на место преступления снова уже на следующий день. Собиралась заговаривать ему зубы, сочинять про не идущие из головы рыжие кудри (не слишком-то и врала бы) и вести его сюда под руку.

Зря заморачивалась. Сам явился, голубчик!

Стоило полоске света от двери расшириться на пядь, грабитель торопливо отбросил веточку, которой пытался дотянуться до слабо мерцающего у порога обрывка сетей, чтобы их скovyрнуть. Наивный дурачок! Если бы ловчее заклинание снималось так просто, я бы не оставила в зоне досягаемости ни букетики сушёных трав, ни метёлку. Стараясь сохранить лицо (лучше бы о шкуре думал), он откинулся назад, опираясь на локти. Дескать, не попался, как заяц в силки, а так, по дружбе заглянул. И, видимо, так утомился, что пришлось прилечь на пол прямо посреди комнаты.

– А я вас уже заждался, прелестница! – первым нарушил молчание он.

Я поставила корзину, скрестила руки на груди и ухмыльнулась.

– А я-то как ждала встречи, любя моя!

Рыжий сориентировался мгновенно:

– Так приди же в мои объятия, краса ненаглядная!

Гм... Не боится! Скалится, наглец, без стеснения демонстрируя мелкие ровные зубы! Смеётся, будто не я его, а он меня поймал!

Ничего. Усмирим.

Я прогулялась вдоль едва заметной линии, отмеченной углём. После уличного света лис вряд ли вообще разглядел её, принял за узор на досках, но теперь, стоило ему приблизиться к

черте, та вспыхивала, выдавая границы клетки мутным воздухом. Чистая работа, достойная. Давненько я таких игрушек не делала, а оказывается не забыла, как...

Когтистая лапка ради такого дела крутанулся на месте, принимая выгодные позы: то ногу отставит, то зад отклячит, то губы надует.

Желание отвесить ему оплеуху стало почти нестерпимым, пальцы зазудели. Я сдержалась и, развернувшись так, чтобы пленный прекрасно мог всё видеть, принялась перебирать баночки и мешочки на столе. Те самые, где хранились трупки насекомых, крысиные хвостики, летучие мыши (просто спали, уцепившись лапками за специально натянутую верёвочку, но я об этом, конечно же, не упоминала), и, разумеется, кости мелких животных. Последнее было призвано показать, что там, где нашлось место для скелетов поменьше, найдётся закуток и для тех, что покрупнее.

В полной тишине раздался звук, с которым обычно сглатывают слюну сведённым спазмом горлом. Однако голос его звучал всё так же озорно, как и при первой встрече:

– А как же хлеб-соль, хозяйшкa? Не хочешь гостя накормить, напоить, в баньку... В баньку, кстати, можем и вместе, если что. Я, знаешь, знатный банщик! Веником могу ка-а-а-ак дать!

– Хым, – я очень надеялась, что смешок удалось замаскировать под скептическое хмыканье. – Веником, положим, я и сама тебе дать могу. Хотя сейчас, – сняла с гвоздика и взвесила на ладони пук крапивы, пока ещё не настолько засохшей, чтобы осыпаться от малейшего прикосновения, но, если по-честному, уже и не слишком стрекочущей. – Так что лучше расскажи, что ты искал в моём доме, а я решу, обойдётся крапивой или стоит достать лопату.

– А чего это сразу искал?! – несмотря на все мои усилия по нагнетанию обстановки, воришка, напротив, расслабился, уселся, хитро завернув ноги, и умудрялся смотреть на меня снизу-вверх, как взрослый на ребёнка, поющего песенку Урожайному деду, – с лёгким превосходством и хорошо замаскированной гордостью. – Я, может, в гости просто заходил. Проведать. Женщина красивая, одна, после ссоры с возлюбленным... Мало ли, вдруг он решил к тебе забраться и отомстить! Кто ж знал, что забраться к тебе не проблема, а вот выбраться...

Быстро же ты мне тыкать стал, прохвост! Да я тебе в бабки гожусь! Но ругаться, как сварливая старуха, коей я, собственно, и являлась, не стала.

– Зачем ты *вчера* приходил, – подчеркнула я, не покупаясь на многословные витиеватости.

– Познакомиться, – не стал отпираться лгунишка. – Смотрю, какой красивый жэнщин! – Вис хлопнул себя по колену, явно подражая речью страстным жителям островов, на которых он со своей рыжей шевелюрой и бледной кожей походил, как ведунка вороной масти на светловолосых водяных дев. – Дай, думаю, проведу, ну как жэнщин ничейный! А тебя дома не оказалось, так я пошёл в харчевню знакомиться.

Тот факт, что объяснение сквозило дырами, как погрызенный мышами сыр, рыжего ни капли не смущал. Он намеревался стоять на своём, даже если «своё» – коровья лепёшка, а не ответ.

Что ж, придётся по-плохому.

Я зыркнула на него сглазом, заставив прикусить язык (в прямом, не переносном смысле) и, пока рыжий соображал, что произошло, зубами отковырнула от деревянной коробочки крышку. Колупнула воска и принялась разминать. Пальцы танцевали под звон многочисленных браслетов, и Вис заворожённо наблюдал за действием.

– Это чего такое? Неужто тесто для дорогого гостя месить затеяла? Не подумай, я не против! Но зачем же так стараться? Мы люди не гордые, можем и по-простому посидеть. Вон, вижу, у тебя и бражка заготовлена...

А вот теперь ты занервничал, лисий сын! Дошло, что среди ведьмовских запасов найдётся что-то, что развяжет тебе язык! Хотя, признаться, хотелось уже, наоборот, завязать его узлом.

– Это куколка, – ласково протянула я, когда в воске и правда начали проявляться очертания человеческой фигуры.

Вис высоко приподнял левую бровь, не дрогнув при этом правой, и подозрительно поинтересовался:

– Я ничего не напутал? Не поздновато в куклы играть? Вам, уважаемая, сколько годиков?

Не удержавшись, я расхохоталась:

– Достаточно, золотой мой, достаточно, чтобы играть, с кем захочу и во что захочу, – последнее я постаралась произнести особо двусмысленно. Откуда бы приезшему дурачку, явно попросту понадеявшемуся найти заначку в ведунском доме, знать, что для настоящей куклы висельника нужен человеческий жир, а не воск. А я слишком брезглива для таких экспериментов. Но зато врать можно с три короба: не поймает. – И станет эта куколка тобою, а ты – ею. Захочу – ножки погну, – я погнула восковые конечности в разные стороны, – захочу – отверну головку, – постучала ногтем по шарiku, но исполнять угрозу не торопилась, – или, может, лучше в воду кинуть? Обидно, наверное, захлебнуться в... – я подтянула кринку, глотнула, проверяя содержимое. Опять в погреб убрать забыла! Ну да ничего, простоквашу я тоже люблю. – Захлебнуться в молоке. Хочешь узнать, насколько?

– Дамочка, – Вис позорно побледнел, отчего рассыпанные по его щекам веснушки выделились ещё чётче, – Вы умом, случаем, не тронулись? Живого человека – да в молоко? За то, что просто в гости зашёл?!

Я оперлась локтем о стол, двумя пальцами удерживая фигурку над горлышком.

– В гости? – уточнила, на мгновение ослабляя хватку, чтобы небрежно покачать воскового человечка. Тот едва не плюхнулся вниз, а рыжий – в обморок.

Воришка вскочил, налетел на границу, но отпружинил от неё, как от густого киселя.

– Воу-воу, дамочка, полегче! А то ведь у меня сердце слабое... – я качнула фигурку ещё раз, едва правда не уронив; рыжий попытался сменить просительный тон на угрожающий, но и его быстро сбавил: – А то ведь я человек нервный! И разозлиться могу! Немного... Ненароком...

Я всё-таки хлестнула его крапивой. Не сильно, так, для остратки. Пучок прошёл преграду без проблем, а вот воришка отшатнулся, цепанул плечом край ловушки и снова отлетел от неё, как муха от окна. Сощурился, точно что-то просчитывая.

– Я тоже женщина нервная, – пояснила я, похлёстывая крапивой по приоткрытому разрезом колену (мы-то не нежные, нам не страшно!), – могу и убить... ненароком. Потом опять волоочь мешок по лесу, закапывать... Имей совесть, паскудник! Слабым женщинам тяжести вредно таскать! – чтобы окончательно внести ясность в наши отношения, я шлёпнула воскового человечка на стол, занесла над ним ножичек для трав, стёртый до тонкой полоски металла, почти шило, а не нож. Грозно поторопила: – Ну?

Рыжий, конечно же, не выдержал. То ли следил за мной ещё со вчерашнего утра и знал, что про труп в лесу – не пустые слова, то ли докумекал, что шутить я не очень умею.

– Ладно! – он выставил руки вперёд. – Ладно. Я всё расскажу, – я пощекотала остриём горло куклки; рыжий схватился за шею, надумывая дыхание металла у кожи. – Да я же уже согласился!

– Это на всякий случай. Заклинание правдивости, – соврала я.

Рыжие кудряшки дрогнули, когда он покаянно склонил голову к груди и зарыдал настолько убедительно, что, будь я помоложе, – поверила бы.

– Как носит меня земля?! Как хозяйшкa Туча ещё не разверзлась и не поразила молнией?! Как владычица Лужа не приказала Усатому утащить в омут эдакого мерзавца?! Как...

– Словесный понос твой остановить... – вставила я.

– Не, это невозможно, – отвлёкся от самобичевания лис и сразу же вернулся к прерванной тираде: – Лесовка должна была натравить на меня диких зверей, а Уголёк сжечь стыдом!

Я не сдержала зевков, в последний момент успев прикрыться локтем.

– Так тебя топить или резать?

Вис бросил укоризненный взгляд на дверь, точно до последнего надеялся, что она устыдится и выпустит пленника и, наконец, разродился:

– Грабить приходил.

– Это я уже поняла. Искал что?

– Любви и понимания! – рухнул на колени враль, почти натурально пуская слезу. – С детства не знал я материнской ласки, отец колотил меня и братьев, вынуждая бросить родной дом...

Пришлось вспомнить про пук крапивы ещё дважды, но только третий удар выбил из него правду:

– Ай, больно же! Я этим лицом работаю, между прочим, дамочка! Не трогайте лицо! Ай! Книгу! Книгу я искал! Колдовскую книгу!

На краткое мгновение я остолбенела. Всё тело словно заново прошло раскалённой спицей, намертво вживляя в него Дар.

Это было так давно...

Так давно, что уже перестало быть правдой.

– Нет никакой книги, – тихо сказала я, не узнавая в хриплом голосе свой. Прокашлялась и добавила прежним – ехидным и высокомерным: – И зачем же столь талантливому во всех смыслах господину понадобились колдовские услуги? К слову, я их оказываю вполне добровольно, на взаимовыгодных условиях.

Он поёрзал коленями по полу, собираясь если не вымолить прощение, то хотя бы прибраться:

– Помилуйте, госпожа!

– Госпожа, дамочка, миледи... – пробормотала я, недоумевая. – Из каких ты мест, что так легко мешаешь между собой языки и говоры?

Зря ляпнула, конечно. Любопытство – моё проклятье. Хотя нет, неумение выбирать мужчин – моё проклятье. Впрочем, одно другому всегда помогало.

– Мы с братьями путешествовали по всему миру с тех пор, как убежали от жестокого отца, – с готовностью сообщил вор. – Вынуждены были скитаться и браться за любую работу! Вот, помнится, как-то наняла нас одна вдовушка...

– Зачем тебе книга? – вернула я разговор в прежнее русло, пытаясь плотиной перекрыть полноводную реку его болтовни.

– Мой брат умирает! Он тяжело заболел, когда спасал тонущих в реке сироток! Двух... Нет, трёх маленьких девочек! С косичками, – подумав, добавил брехун, уверенный, что, чем больше деталей, тем больше и правды в сказанном.

– Не верю.

Он сторбился, изображая старого деда, рассказывающего сказки:

– Близилась ночь... Наступала темнота... Река, едва освободившись из оков льда...

– И что же по темноте на реке делали маленькие девочки? Нет, я всё-таки тебя убью. Спокойнее будет. Или, по крайней мере, тише.

– Да что мне, наизнанку вывернуться, чтобы доказать?! – взвился он, прекрасно понимая, что коса нашла на камень.

– Если это поможет, – рассеянно согласилась я, раздумывая, стоит ли отпустить нахала подобру-поздорову или действительно прикопать. Знаю я одну бесхозную медвежью берлогу...

Он рванул на груди рубашку, а я, погрузившись в свои мысли, и не подумала смущённо отвернуться, как сделала бы нормальная одинокая женщина.

Стоит отдать ему должное, рыжий быстро вошел во вкус. Расценив пристальный взгляд как предложение продолжить, встал, распустил шнуровку, качнулся с мысков на пятки.

– Ну как? – послал он воздушный поцелуй. – Со всех сторон рассмотрела? Уверяю, сзади я так же хорош, как и спереди. А уж как хорош без одежды... Хочешь, покажу?

– Давай, – неожиданно для самой себя согласилась я.

Лис тоже удивился, но на попятный не пошёл.

– А музыку? Нет? Может, хоть напоёшь что-нибудь? Или хоть насвистишь? Тоже нет? Ничего, я и сам могу.

Он взаправду, непринуждённо посвистывая, скинул приметный кожаный плащ, покрутил и швырнул мне. Граница вспыхнула, но одежду всё же пропустила. Я машинально поймала край. Нет, ясно, что тряпки всё одно мне бы достались после того, как разберусь с воришкой, но так зато не испачкаю и не сожгу ненароком. Вот Пенёк обрадуется! Да и мне, в принципе, макинтош пошёл бы. Разве что великоват, ну да не беда...

Ох, не теряйте, бабы, бдительность! Особенно рядом с мужиками, тем паче, с красивыми!

Я едва успела представить, как накидываю ещё тёплый плащ на плечи, как прихорашиваюсь, крутясь в нём перед зеркалом...

А этот подлец, как только я вцепилась в рукав, дёрнул ткань на себя, увлекая обратно в ловушку не только своё добро, но и своего пленителя!

– Позвольте пригласить вас в мою скромную обитель, – прошептал он, роняя меня на сгиб локтя и наклоняясь к самому лицу. – В тесноте да не в обиде, верно?

Глава 3

Будем знакомы

Очумевшая от собственной безнаказанности мышь, задев край покрывала, выскользнула из-под кровати, привстала на задние лапки, пошевелила носом, приняхиваясь. Прикормленный кот считался моим ровно до порога, после чего гордо разворачивался и убирался восвояси, не заботясь о том, порывается ли кто-нибудь ночами сожрать руку, колбасу ему дающую. Поэтому мы с мышью жили относительно мирно и взаимонезависимо: она старалась не гадить в совсем уж видных местах, а я иногда оставляла ей кусочки сыра, приправленные неизменным пожеланием подавиться.

Мышь подозрительно уставилась на замершую посреди комнаты парочку, вытянувшись в струнку и раздумывая, хватит ли ей только хлеба или зрелищ всё-таки тоже хочется.

– Пшла! – не выдержала я, махнула на неё и тут же, покачнувшись, обвисла на руках нахального воришки.

– Осторожнее, миледи, так же и урониться недолго! – предупредил он, не позволяя мне при этом ни урониться, ни выпрямиться.

Я брыкнулась, но, то ли у Виса имелся опыт общения с брыкающимися женщинами, то ли я сделала это как-то крайне неубедительно. Он перехватил ногу, словно в танце закидывая себе на бедро, и заставил отклониться ещё сильнее, окончательно теряя равновесие.

– Так прокляну, что до гробовой доски меня помнить будешь! – пригрозила я, то ли надумывая, то ли взаправду ощущая затылком приближающийся пол.

Он ослабил и провёл кончиком носа вдоль моей шеи. Игриво прошептал:

– А ты опасаясь, что я забуду тебя *без* проклятья?

О, дружок! Я гарантирую, что ты меня не забудешь! Ни с проклятьем, ни без него! Вот погоди, только отпусти меня...

Попытка расцарапать нахальную физиономию провалилась, а чтобы перевести дух и добраться до побрякушек-амулетов на груди или до одного из замаскированных под браслет требовалась хотя бы пара секунд. Хотя что там у меня в загашниках? Туман-трава, сплетённая в косицу на запястье? Так оба задохнёмся от чадающего дыма, как только я сорву украшение. Огненный цветок на шее, залитый смолой и привешенный на верёвочку? Нет уж, я ещё планирую пожить в этой милой маленькой избушке. Камешек, заговорённый от дурного глаза вообще редкостная ерунда: самый дурной глаз в городе у меня, а ссориться с ведункой никто в Холмищах не рисковал. От бус с замершими цветными дождевыми каплями и вовсе толку никакого. Погоду, конечно, поправить легко можно, государыня Туча с готовностью отзывается на глухой стук своего подарка, но от скалки всё одно было бы больше проку, чем от всех колдовских талисманов вместе взятых.

Он издевался, проворно уворачивался от ударов, показывал мелкие ровные зубы, и не замолкая балаболит.

Всем хорош дар ведунки! Живёшь долго, молодая и (относительно) красивая, можешь насрать на кого ячмень, а то и со свету сжить, если чуть больше времени потратишь. А ежели не сживёшь, то хотя бы *переживёшь* и сможешь потом злорадно плюнуть на могилу недруга.

Одно плохо: без запаса ингредиентов и ритуала, который ещё надо успеть подготовить, я абсолютно, униженно, постыдно незащищена! А скалка всё равно далеко...

Попыталась зарычать, но и тут заткнулась, как получивший щелчок по носу щенок: Вис прижал палец к моим губам, а я старалась не думать, где этот перст успел побывать (нет веры мужикам!).

– Тш-ш-ш-ш! – он с нескрываемым удовольствием перехватил моё бедро чуть выше. – Не порти момент, мы ещё будем его вспоминать и рассказывать нашим детям.

Я выругалась и Вис благоразумно уточнил:

– Это мы им повторять не станем.

Имелась бы возможность, – вдарила бы так, что детей, помимо тех, которых красавчик уже наверняка успел настрогать, у него бы точно больше не уродилось. К сожалению, не доставала, так что куснула за палец, ради такого дела начихав на брезгливость.

– Эй! – Вис машинально сунул его в рот. – А если бы откусила?

– У тебя бы осталось целых девять! – я дёрнулась, но паршивец оказался ловким и явно не впервые удерживал злющую тётку. А вот ведунку разозлил впервые. Погоди, ты у меня ещё попляшешь! Уж чего-чего, а времени, чтобы выждать момент для мести, у меня предостаточно!

Когтистая, чтоб его, лапка оправдал прозвище. Плут, мошенник или, как он сам себя называл, авантюрист, скрутил и обездвигил меня, заставляя возбуждённо пыхтеть и краснеть от натуги в попытке это скрыть. Да что ж это я как девочка, в самом деле?! Пора бы уж и охолонуть.

Лис удерживал меня легко, точно отплясывал, а не сражался. Пригладил сначала свои волосы, потом мои, чиркнув костяшками по мочке уха, наклонился, почти касаясь губ... Я задышала чаще, шнуровка на платье опасно затрещала, рискуя лопнуть и вывалить наружу оба два ведьмовских достоинства. А он ласкал дыханием мои губы и хитро сверкал тёмными глазами.

Вот тебе и сварливая старая бабка! И куда делись мои многочисленные годы? Я вцепилась в него что есть мочи, точно впервые оказалась так близко к мужчине, и уже не слишком-то и злилась, что воришка попытался меня ограбить. Молодой-горячий дурень... С кем не бывает? Пожалуй, можно и не убивать его. Не в этот раз, по крайней мере.

Я удерживалась от падения, так ведь? Потому крепче сжимала шею и впивалась в неё короткими ногтями? И подалась к нему, напрашиваясь на прикосновение, тоже лишь потому, что боялась упасть и надеялась вырваться...

А он и бровью не повёл. Хотя нет, как раз бровью он и повёл. Мерзко так, отвратительно самодовольно. И прошептал вместо ласки:

– Так ты нас отсюда выпустишь или так и останемся жить?

Насчёт жить – сомнительно. Потому что больше всего на свете хотелось придушить поганца.

– Только, пожалуйста, не пытайся меня придушить! – забеспокоился Вис, безошибочно определив, что плотоядный взгляд явно не страстные лобызания подразумевает.

– А по-моему, отличная идея!

– Не-не-не, ужасная! – заверил меня лис.

– Почему это?

Я повисла на враге, чтобы подпрыгнуть, ударить, завалить, дезориентировать или хотя бы унижить. Ну, первая половина плана удалась на славу. Я потянула воришку на себя за обхваченную шею, оттолкнулась свободной ногой... Нет, если так посмотреть, то и вторую половину плана тоже удалось реализовать: Вис и правда упал. Не учла я лишь одно – упал он на меня.

– Потому что я от этого обычно умираю! – постанывая мне в грудь неразборчиво закончил он.

– Именно на это я и рассчитываю! – заверила я.

Рука – перехват.

Нога – нет, и её поганец успел зафиксировать своей.

Залепить оплеуху – удалось! Хотя душу отвела!

Вспомнив, как в прошлом году на игрищах мужики бодались, подобно козлам, я мотнула головой и тут же с хныканьем её отдёргнула: на игрищах никто не предупреждал, что бьющему не менее больно, чем получающему.

– Женщина, уймись!

– Сам козёл! – не желала униматься я.

– Ай! Перестань кусаться, ненормальная!

– От такого же слышу!

– Ты хоть не заразная?

– Заразная! Ещё какая заразная, даже ядовитая! Теперь ты сдохнешь в муках! – восторжествовала я, предпринимая попытки выползти из-под нахала. – Пусти!

– Сама пусти! Ай! Это моя нога!

– Нет, моя! Ой, и правда не моя... Так, а это точно не моё! Ты чем это в меня упираешься, скотина?! – забеспокоилась я, пытаюсь нащарить рукой что-нибудь максимально тяжеловесное.

Рыжий не на шутку смутился и, кажется, покраснел (а я-то уж решила, что он этого вовсе не умеет!).

– А ты дёргайся подо мной поактивнее, ещё и не так упрётся!

Я действительно задёргалась, но с прямо противоположной целью.

– Спасите! Убива... Насилуют! – вполголоса завопила я, параллельно раздумывая, а так ли уж необходимо, чтобы меня спасали.

Однако долг любой женщины – не соглашаться на интим даже в случае, если её домогается привлекательный полузнакомец, а горечь расставания с бывшим не мешало бы чем-нибудь заглушить.

Ну, раз долг женщины требует, действовать тоже нужно по-женски: неожиданно, нелогично и без пояснений. Вместо того, чтобы сопротивляться, я, напротив, всем телом прижалась к Вису, обхватила его ногами за пояс и потребовала:

– Лобзай меня!

– Чего? – впал в ступор рыжий, мгновенно растеряв всю наглость. Честное слово, как подросток, который только хвастать горазд, а как в сарай пообжиматься позовёшь, – сразу в кусты!

– Лобзай меня! – требовательно повторила я, выгибаясь грудью навстречу отступающему насильнику, возмутительно пренебрегающему своими обязанностями.

– Нет, ну я, как бы... Не то чтобы я против... Ты не подумай, я очень даже за... – ладонь замерла над полукружием, пальцы робко сжимались-разжимались. – Но может мы сначала познакомимся поближе, разопьём бутылочку, полюбуемся на закат...

Закат случился: я закатала глаза и выгнулась сильнее прямо-таки запихивая подруба-шечную выпуклость в его нерешительную впуклость... тьфу, руку. Свою же, ясное дело, выпущенную изумлённым мужиком, опустила ниже, ощупывая вышивку на рубашке, ремень, бугор на штанах... И сжала, что есть силы!

Если бы я знала, что мужики умеют подпрыгивать с места на полметра вверх сразу на четырёх конечностях, как коты, моя жизнь определённо была бы намного веселее!

Как кот, Вис и приземлился: тоже на все четыре, с волосами дыбом, а не ровными кудряшками, словно завитыми самим ветром, и орущим благим матом. Пока он прыгал, я успела перевернуться на живот и до пояса выползти из ловушки.

– Больная! – орал Вис, хватая меня за ногу и втягивая обратно в круг.

Оседлал, как молоденькую кобылку, а я боязливо подумала, что, если раньше рыжий меня насиловать не собирался, то теперь вполне может. Хотя нет. Я злорадно ухмыльнулась: в ближайшие пару дней не сможет. Хватка-то у меня хорошая, крепкая... Мешки с трупами вон по лесу таскаю.

– Только тронь, – предупредила я, – совсем оторву!

– Да за кого ты меня принимаешь?! Уймись! Да успокойся же, женщина!

Очень надеюсь, что Вис жалел об этой встрече не меньше, чем я. Потные, пыльные, изукрашенные синяками... у меня ещё и шов на боку платья лопнул, нанеся непоправимый ущерб чувству собственного достоинства. Мы лежали рядом, не ненавистью глядя друг на друга, уже не в силах продолжить схватку, но слишком упёртые, чтобы плюнуть и разойтись. И тут Вис перевёл взгляд куда-то за границу круга. Краска с его лица мгновенно испарилась, точно его ткнули физиономией в мешок с мукой. Разумеется, я была вынуждена найти то, что способно привести в ужас взрослого мужика, настолько безрассудного, что не только явился грабить ведунку, но ещё посмел пререкаться с ней.

За кругом, сжавшись в трясущийся серенький комочек, сжимая в лапках засохшую крошку сыра, сидела мышь. Всё же любительница острых ощущений предпочла закусить хлеб зрелищами.

Вис медленно и со знанием дела набрал в грудь воздуха и...

– А-а-а-а-а-а!

Я и прежде не ожидала от мужчин какого-то особого благородства. Тех, которые готовы жизнью рисковать и бросаются вырывать перья огнедышащим кочетам, за свою долгую жизнь я так и не встретила. Но чтобы пытаться залезть мне на плечи при виде грызуна?!

– Прогони её, прогони! Мамочки! Кыш, уходи, противная! Сделай что-нибудь, Варна, ты ведьма или как?!

– Я ведунка! Наследная, чтобы ты знал! – я возмущённо выдохнула через нос, а потом созналась: – И за каждую изгнанную мышь беру медьку.

– Будет тебе медька! Золотой будет, только заколлуй её! Преврати во что-нибудь нестрашное! В зайчика... или в жабу!

– А жаб ты, стало быть, не боишься?

– Я и мышей не боюсь, просто предпочитаю с ними не сталкиваться!

Забраться мне на макушку, как девица на табуреточку, не получилось, так что Вис попростому вытолкнул меня на съедение страшному монстру.

– Эй, а если она на меня нападёт?! – заржала я.

– Тогда я запомню тебя как героя! – без доли иронии пообещал рыжий.

Я хохотала так, что не могла удержаться на ногах. Так и сидела, уткнувшись лицом в коленки, а мышь, неспешно дожевав свой обед, пискнула и скрылась под кроватью, не пожелав связываться с ненормальной тёткой.

И только тогда, успокоившись, я заметила, что в пылу сражения мы с Висом стёрли моим бранным телом линию угля, замыкающую ловушку.

Рыжий посмотрел на размазанный рисунок. На меня. Снова на рисунок...

На пробу лягнул воздух, прежде сгущающийся и не выпускающий его из круга. Сапог прошёл туда-обратно без малейшего сопротивления.

Показал зубы.

– Иди-ка сюда, наследная, чтоб я знал, ведунка.

Я отъехала на ягодицах назад, помогая себе ступнями:

– Но-но! Я всё ещё могу тебя проклясть!

Такая мысль явно не посещала рыжую головушку, так что лису пришлось ненадолго задуматься, чем я и воспользовалась, метнувшись к столу, ухватив восковую фигурку и многозначительно приставив к её шее нож для трав.

– Я знаю тридцать четыре способа убить тебя с её помощью, – холодно сообщила я, не слишком-то и преувеличив, – и ещё пятьдесят шесть – с помощью проклятья.

Вис уважительно присвистнул.

– А ты, однако, опасная женщина! А что насчёт превратить камень в золото? Или, скажем, если некий очаровательный господин очень-очень захочет усыпить кого-нибудь, сидящего за замковой стеной, чтобы он не проснулся, пока красавчик пару раз туда-сюда с грузом?

– Тридцать четыре и ещё пятьдесят шесть, – ёмко напомнила я.

– Что ж, тогда мне ничего не остаётся, кроме как, – Когтистая лапка понурил голову, но тут же, ослабился и раскрыл объятия: – Давай дружить!

От неожиданности пришлось прокашляться.

– Я могу тебя убить, – напомнила я.

– И это твоё качество заставит меня очень ценить наши отношения!

– Я прямо сейчас *хочу* тебя убить.

– Половина моих знакомых спит и видит, как бы это сделать. И первая в очереди моя сестричка. Ну так и что?

Вот же нахал! Такой нахал, что можно только восхититься! Но вместо этого я сердито насупила и топнула ногой:

– Проваливай немедленно и не смей возвращаться! У меня нет и никогда не было никаких колдовских книг, а если я ещё раз замечу тебя возле моего дома... нет, в моём городе! Если я ещё раз увижу тебя хоть где-то, до конца своих дней будешь испражняться... – я огляделась в поисках вдохновения. Чем бы таким противным его припугнуть? – Крысами!

Вис с некоторой опаской обернулся на свой зад, видимо, прикидывая его возможности.

– А вы, однако, затейница...

– Тогда мышами! – исправилась я.

– А вот запугивать меня не надо!

– Значит пошёл вон из моего дома и не смей возвращаться! – чтобы продемонстрировать серьёзность намерений, я схватила кувшин с остатками молока и запустила ему в темечко. Жалко, конечно. И кувшина, и молока... и если попаду тоже жалко будет. Но иначе ж совсем страх потеряет!

Вис ловко пригнулся – снаряд пролетел мимо и с грохотом разлетелся на черепки.

– Люблю страстных женщин, – прокомментировал он. – Если всё же передумаете или... – похабно подмигнул, – захотите... побеседовать, Когтистая лапка к вашим услугам.

– Пошёл вон.

– А инвентарь мой не отдадите?

Рыжий потянулся к валяющемуся под столом плащу, но я заступила дорогу:

– Трофей остаётся.

– Эй, это мой любимый плащ!

Я кивнула, принимая информацию к сведению. Теперь это будет *мой* любимый плащ. Смирился и расстался с вещицей Вис удивительно легко. Так легко, что я не сомневалась: ловушку придётся подновлять.

Рыжий галантно поклонился, поправил волосы одной рукой, снова придавая причёске восхитительную холёную небрежность:

– И всё же мне хотелось бы убедиться, что мы не расстанемся... так сказать, неудовлетворёнными друг другом. Если вы понимаете, о чём я.

– Зла не держу, – я приподняла восковую фигурку, примериваясь насадить её на острие ножичка, – но вот это далеко не убираю.

– Что ж, не самое неудачное начало знакомства в моей жизни.

Воришка достал из рукава свёрнутый вчетверо обрывок бумаги и протянул мне. Я вздёрнула нос и молча указала на дверь. Ничуть не смутившись, рыжий впихнул её в щель под наличником и, коснувшись лба двумя пальцами, вышел.

Немного выждав, чтобы рыжий точно успел отойти, я достала и развернула листок. Судя по жирным пятнам, бумага успела попутешествовать в одной суме с продуктовыми запасами,

а судя по запаху, в прошлой жизни послужить лошадиной попоной. Внутри обнаружился кривой, схематичный, не иначе как вдохновлённый наскальным творчеством огромных волосатых горняков, рисунок. Изображал он три фигурки разных габаритов, каждая из которых состояла из пяти линий и одного кружочка. Зато всевозможные мечи, самострелы, алебарды, пики и пращи неведомый художник выписывал тщательно и, как мог, достоверно.

Вверху имелась надпись, сделанная по-детски крупным почерком:

ИЛИТНАИ АХРАНАИ АГЕНСВО

и проч. услуги

ПРИХАДИ

И карта: пяток схематичных домиков, между которыми петляла полоска дороги. Жирный крест на крайнем здании подразумевал одно из двух: либо оно было целью налётчиков и тогда, судя по количеству изображённого инвентаря, от него уже не осталось камня на камне, либо здесь и размещался штаб илитнага ахранага.

Поборов порыв оставить сей шедевр абстракционизма на память, я скомкала его и кинула в остывший очаг.

Глава 4

Я работаю одна!

Я застонала, перевернулась на другой бок и прикрыла ухо подушкой. Но крик повторялся ещё трижды, пока я, вконец обозлившись, не поднялась, не распахнула окно и не шуганула голосистого петуха. Не то птиц обиделся, что я сегодня не заглянула в Гаритин хлев и оставила его без внимания, не то, наоборот, пришёл мстить за вчерашний ранний подъём.

– Ко-ко-ко? – петух отбежал на сажень, прямо по прошлогоднему луку-двухлетке, повернулся одним глазом, подозрительно меня рассматривая, и из вредности ещё раз затянул: – Ко-ко-реко-о-о-о-о!

Получилось сипло, явно из последних сил.

– Поймаю – сверну шею, – спокойно предупредила я, в упор глядя на петуха.

Нет, вести с животными, тем более, с такими тупыми, светские беседы ведункам не дано. Но люди иной раз попадают не многим умнее, так что вместо слов я научилась вразумлять их прицельной волной холодной угрозы. Жалко, только с законченными олухами средство и срабатывало.

Петух заткнулся на середине трели, разок для виду клонул пока ещё каменную, не перекопанную землю и развернулся к враждебно настроенной бабе куцым хвостом. Сделал десяток мелких шагов, а потом припустил и вспорхнул на забор, чтобы победно проорать в последний раз и сигануть в собственный двор.

Ну вот! Именно такой реакции я и ожидала от вчерашнего недоделанного воришки! Учишь их учишь... Молодёжь пошла – тьфу! Но, вместо того чтобы зло плюнуть, я подперла подбородок ладонями и вдохнула утреннюю сырую прохладу.

Щекотно и сладко... Едва чутьно в несмелое дыхание слежавшейся земли вплетается липкий дух набухающих яблоневых почек. Вот-вот взорвутся, выплеснут новую жизнь, не в силах больше сдерживаться после зимних оков. И невдомёк им, что могут вновь ударить морозы, сжевав, изничтожив, превратив в хрупкое стекло едва расправившиеся нежные листья...

Не выживают яблони в холод. Только щетинистым ёлкам всё нипочём. Одна такая придулилась возле моего крыльца. Давно бы выкорчевать. Тень растянула на пол-огорода, колючки раскиданы ровным ковром, скоро такой же неприхотливой порослью всё вокруг заполонит. Но отчего-то всё не решалась тронуть деревце: скрюченное, подсохшее, и без моих усилий едва живое. Само сдохнет без заботы через год-другой, пусть уже доживает свой век спокойно.

Почему-то представился покров из зелёных иголок, по которым, ругаясь и высоко подкидывая коленки, скачет рыжий кучерявый молодец. Я хихикнула, как девчонка, и озабоченно осмотрелась: не подглядел ли кто глупую фантазию?

Обозлилась сама на себя, захлопнула окно и принялась торопливо умываться. Петуха стоило бы поблагодарить: вчерашняя история напрочь выдула из моей головы заказ на мелкого домашнего шкодника, которого полагалась выпроводить из облюбованного дома. Интересно, это всё ещё девичья память или уже старческий склероз?

Пучки травок я похватила не глядя – привычные руки не промахнутся мимо нужного. Швырнула в объёмную кожаную сумку, закинула через плечо и, сварганив на дорожку неприглядный бутерброд из ковриги хлеба и шмата сала, выскочила из дома. На пороге помялась секунду, покачиваясь с носков на пятки: поправить бы ловушку, чтобы неповадно было. А то с рыжего поганца станется устроить ещё одну внеплановую уборку моей халупы. Нет, ну не настолько же он дурак, верно?

Я ограничилась тем, что накинула вместо собственной коротенькой курточки трофейный плащ. Теперь ему возвращаться не за чем. Одежка оказалась великоватой, явно с мужского

размашистого плеча, а я сегодня ещё и штаны натянула (хватит, нагулялась вчера в узком платье, что ещё неделю кусок в горло не полезет!). Зато сразу видать: охотиться ведунка идёт, а не прохладиться. Можно за вредность надбавку потребовать. Кто ж суеверным провинциалкам станет рассказывать, что шкодника достаточно шугануть вонючим зверобоевым дымом?! Такие рецепты выдавать для бизнеса невыгодно. Так что пусть старуха думает, что на смертный бой собираюсь – для репутации полезно и в целом льстит. Я подумала-подумала, и прихватила с собой широкий охотничий нож, напоказ прицепив к поясу. Нет, ну так и на кородея не стыдно, не то что на шкодника!

Едва успев себя похвалить, я вышла за калитку...

– Да чтоб тебя телегой переехало!

– И тебе тоже доброго утречка, – невозмутимо поздоровался облокотившийся о забор Вис и протянул пригоршню: – Семечки будешь?

– Засунь их себе в... – искренне пожелала я, но вовремя оборвала неуместную вспышку. И с чего это вдруг степенная, взрослая и, смею надеяться, умная женщина ведёт себя рядом с этим воришкой как обозлённая девка? – В карман.

– Я бы и рад, да кто-то у меня плащ упёр.

Лис не слишком-то страдал по потере: уже добыл где-то лёгкую телогрейку, мигом превратившую его из самоуверенного столичного красавчика в первого парня на деревне. Только заломленной на бок шапки и мака за ухом не хватало.

– Отвоевал, – я холодно поправила плащ и в очередной раз приподняла слишком длинные рукава, которые, разумеется, тут же снова соскользнули, закрывая ладони почти целиком. – На трофеем не зарься.

Он догнал снова в конце улицы, когда я уже решила, что отбрила и избавилась от нахала. Но эту широченную улыбку можно смять разве что крепким кулаком: Вис показывал свои возмутительно белоснежные мелкие зубы с такой смелостью, точно никогда по ним не получал. Что с его нравом крайне сомнительно.

– А куда ты идёшь? Можно с тобой? Как городок-то ваш вообще, ничего? Интересное что случилось в последнее время?

Ответов рыжий и не думал дожидаться, да я и не собиралась его ими баловать. Щебечет себе и щебечет. По весне то коты орут, то дрозды заливаются. И этот из кожи вон лезет, не забывая подмигивать редким проходящим мимо бабам: то позёвывающей жене пекаря поклонится, то забежит вперёд, чтобы придержать дверь припозднившейся шлюхе, единственной на весь город, и оттого особо ценящейся даже самыми жестокими сплетницами (тьфу-тьфу, пока есть, об кого языки чесать!).

Я не удержалась, зыркнула на продажную девку, и та споткнулась на ровном месте, порвала аккуратную сверкающую вышивкой туфельку.

– Варна! – возмущённо окликнула она, но не для того, чтобы разбудить соседей отборной руганью, а по делу: – У меня отварчик к концу подходит. Занесёшь ещё к вечеру?

Я отрицательно мотнула головой, не сбавляя шага:

– Сегодня у бабы Роры весь день, недосуг.

– Ну Варна-а-а! Меня клиенты ждут, как я покажусь-то им?!

– Помойся для разнообразия, авось и без зелий за красотку сойдёшь, – я слегка задержалась, прежде чем завернуть за угол: давала пронырливой Тифе шанс меня уговорить.

– Серебруха сверху, – вздохнула шлюшка, безропотно сдаваясь шантажистке.

– Другой разговор. На закате будет.

Вис одобрительно присвистнул, когда Тифа, профессионально вильнув задом, скрылась в доме. Подбросил на ладони кошелёк, только что висевший при её поясе: не слишком тяжёлый, но явно и не пустой. Заметив мой взгляд, воришка обезоруживающе улыбнулся и пожал плечами. В какой момент кошелёк скрылся из виду, я так и не поняла.

– Издержки профессии, – объяснил он. Ничего, уж кто-кто, а Тифа не обеднеет. – Кстати, раз уж речь случайно зашла. Нам бы вместе поработать...

Утоптанная дорожка городских окраин быстро сменилась брусчаткой. То, что прежде было приречной деревенькой, превратилось в захолустный, но уютный южный край Холмищ. Городок вытянулся к северу каменными тесно составленными, несмотря на обилие незастроенного места, домиками. Здесь улочки становились уже, выдавливая редкие деревца, оттого в жару люди жались к стенам, чтобы хоть тенью прикрыться от палящих лучей, в полдень же и вовсе предпочитали не высовываться на улицу, оправдывая безделье невыносимой духотой и отсиживаясь по прохладным каменным мешкам квартирков или по многочисленным питейным заведениям, крошечным, на два-три столика.

Но пока что утренняя прохлада, напротив, царапала плечи, а Вис широко шагал прямо по середине улицы, не боясь ни телег, ни лошадей. Другой на его месте звонко стучал бы каблуками, а этот двигался бесшумно, как кот. И сапоги его наверняка нарочно скроены так, чтобы и не скользили, и не издавали лишних звуков, если их обладатель, например, возьмётся ограбить чей-нибудь домишко.

В этой части Холмищ мне всегда становилось неуютно. Слишком быстро всё текло, менялось, разваливалось от незаметного хода времени. Камень хорош в горах, в городе же стены из него навевали тоску.

Тут сельским хозяйством не разживёшься. Да и надо ли? Все, кого тянет к земле, жались к деревянным отшибам, пололи огородики и недоумённо косились на «центральных». Те же, в свою очередь, не могли понять, зачем горбатить спину от темна до темна, если можно держать уютную гончарную или кожевенную мастерскую, обменивая одно изделие на другое на рынке, куда каждые семь дней съезжаются жители селений на два десятка вёрст окрест, а местные не брезгают и каждый день выставиться.

– ... а выручку поделим поровну: тебе пятая часть, мне остальное. И разойдёмся. Ну так что?

Веснушчатая физиономия выплыла из неоткуда, когда я понадеялась, что, наконец, осталась в одиночестве.

– Что? – переспросила я.

– По рукам? – рыжий протянул ладонь, явно очень довольный изложенным только что планом.

Наверное, план и правда был хорош: тёмные глаза алчно по-звериному сверкали. Я бы оценила. Если бы слушала. Или если бы он предложил делиться половина на половину. А так просто на всякий случай отрезала:

– Нет, – и аккуратненько обошла изумлённо замершего вора.

– Даже не спросишь, что за дельце?

Я фыркнула:

– И без того ясно – ограбить кого-нибудь, кто без ведунки тебе не по зубам.

– Обворовать! – ревниво поправил Вис.

– А это не одно и то же?

– В корне разные вещи!

– Итог-то один.

– Зато наше дело – с получением удовольствия в процессе. Ну как, Варна, – он похабно подмигнул, – хочешь получить удовольствие?

Я повторила для непонятливых. Твёрдо и жёстко:

– Нет.

– Как так нет?

– Тебе что, никогда прежде бабы не отказывали?

– Сама как думаешь? – нагло осклабился рыжий.

Я поймала его за воротник и притянула к лицу. Наклониться Вису для этого пришлось изрядно, оказалось, что он выше меня на добрых две головы, что не помешало мне напомнить:

– Я обещала убить тебя, как только увижу.

И выдохнула в его конопатую мордашу клуб ледяного страха, ожидая, что вор повторит утренний манёвр петуха.

Вор невозмутимо приподнял брови и сочувственно уточнил:

– А ты человек слова?

Ухмыльнувшись, я честно ответила:

– Даже не близко.

– Тогда к чему это показное благородство? – Когтистая лапка вывернулся так легко, словно всего-то за ветку зацепился. – Тебя тут, как погляжу, каждая собака знает? И платят небось неплохо, аж на новые серёжки раз в год хватает?

Он явно придурился, издевательски растягивал слова. Ну вот и что ему ответить? Что и правда хватает? Так этот ехидный тон я не впервой встречаю: вор считает, что мелочь, которую может заработать ведунка честным (или граничащим с честностью) трудом, ни в какое сравнение не идёт с тем, что может предложить мне он. Я и сама это знаю. Лет девяносто назад не то что согласилась бы на авантюру, а и сама бы её придумала. Получше той, что изложил рыжий. Но то было очень давно. Нынче хочется уже спокойного, тихого счастья. Но у Лиля оказались иные планы, а я... Я снова осталась одинокой скучной старухой.

Дорогу нам перебежал укутанный в лохмотья дедок, с бранью гонящийся за облезлым и испуганно мекающим козлёнком. Хорошо бежал, надо сказать. Как молоденький. Я проводила парочку рассеянным взглядом, а Вис заорал им вслед:

– Ты гля, кака ранняя плашка! Лови, лови, а то добычу из-под носа уведут! Ай, как нехорошо получилось! Убежала! – хрыч подпрыгнул от неожиданности и прибавил скорости, а лис объявил: – И это станет самым ярким событием дня. А ведь могли найти приключений на свою...

– Задницу?

– Голову! – он постучал пальцем по лбу и резко вильнул в попытке оценить обозначенную часть тела собеседницы: – Хотя, будь я приключениями, на такую наживку бы клюнул.

И шлёпнул меня по задку, как само собой разумеющееся. Я в ответ не менее уверенно шлёпнула его по щеке:

– Будешь распускать руки, пальцы срastутся, как у гуся! – и добавила короткое заклинание, от которого завидующие лапки и правда стали похожи на ласты.

– Р-р-р-р, какая женщина! – передразнил меня бесстыдник, украдкой проверяя, насколько серьёзны потери. – Нам бы такая ух как пригодилась!

Мой заговор, собственно, только фантазию распалял, а никак не менял строение костей. Но рыжий впечатлился, аж ладони в рукава спрятал. Можно было бы, конечно, использовать проклятие посерьёзнее, чтобы отстал окончательно... Я задумчиво перебрала браслеты на запястье, прикидывая, стоит ли жертвовать амулетом ради того, чтобы перекрыть этот поток красноречия. Амулета было жалко, но с каждой секундой всё меньше. Я попыталась отделаться добром:

– Слушай, бельчонок, не давеча как вчера ты пытался меня обокрасть. С чего бы мне слушать твой трёп и соглашаться на какое-то сомнительное дельце?

Вис не сдавался:

– Нет, ну подумай хорошенько, ведунка! Вчерашняя встреча – это так, мелочь. Обстановку разведаль, не более. И, Уголёк мне свидетель, книгу я хотел украсть не корысти ради, а спасения братца для! Ранен в бою, бедняга, прикован к постели...

– А разве вчера твой братец не от лёгочной болезни умирал? Ну, после того как сироток из ледяной реки вылавливал? – напомнила я.

У Виса даже дыхание не сбилось:

– Именно так! Он сначала сироток выловил, а потом привёл их к отцу, а тот, не разобравшись, осерчал и кинулся в драку...

– Отец? У сироток?

– Так то ж приёмный!

Я подобрала с мостовой камешек, нашептала на него имя огненного бога и перекинула лису.

– На.

Тот машинально поймал и тут же выронил – горячо!

Испокон веков так проверяли лгунов: пламенный бог Уголёк не попустит вранья, отметит ожогом пустомелю. Двести лет назад, бабка сказывала, прямо из костра доставали чёрные раскалённые булыжники, чтобы доказать чистоту слов. Теперь от ритуала одно название осталось, но накалить осколок щебёнки волшебным словом и подшутить над воришкой – милое дело.

Я сочувственно зацокала языком:

– Уголёк говорит, что врёшь ты, как дышишь.

– Ну так то, что я вру, не значит, что дельце не станет выгодным для тебя! Слушай, ведунка. Варна. Ты же Варна, так? Ну что ты теряешь?

– Доброе имя, доверие горожан и время.

Последнего у меня, правда, навалом, но Вису это знать совсем необязательно.

– А приобретаешь новый опыт, кругленькую сумму и интересное знакомство!

Я остановилась у крепенькой, хоть и низкой, деревянной дверки. Стукнула костяшками пальцев: не слишком громко, но и не стесняясь того, что явилась. Чать не в гости заглянула, пришла заказ выполнять.

– Я слишком стара для этой фигни, – брезгливо наморщила носик я за мгновение до того, как дверь распахнулась.

Побелевшие от возраста, но отнюдь не незрячие глазки вперились в пришельцев. Баба Рура коротко кивнула: мы и так обе знали, зачем сегодня встретились. Вчера на рынке и время обговорили, и цену. Маленькие ручки деловито разгладили передник:

– А этот что?

Я едва успела набрать воздуха, чтобы, как на духу, выложить старухе: мол, это дурачок у нас объявился, ходит воду из луж пьёт и у честных людей под ногами мешается. Но дурачок оказался расторопнее:

– К вашим услугам, – он поймал бабкину ладошку и склонился, чтобы чмокнуть, при этом намётанным глазом оценивая содержимое дома за её спиной. – Господин Когтистус Лапикус, специалист по мелким вредителям, в особенности шкодникам и старухус трухлявос. Приехал изучить феномен, обосновавшийся под вашей крышей, так как местная ведунка попросила консультации у специалиста в данной области.

Не припомню, чтобы рассказывала Вису про шкодника. И уж точно не собиралась просить консультацию или терпеть общество паршивца.

Рура тоже почуяла подвох:

– Сверху ни монетки не заплачу!

Ну вот, плакала моя надбавка! Хотя теперь за вредность точно стоило бы.

– Что вы, что вы! Мой интерес сугубо научный!

Сообразив, что за одну и ту же сумму получила не одного, а сразу двух ловцов шкодника, Рура успокоилась. Рассуждать о навыках бонусного ловца и требовать у него сертификат качества она не собиралась. Расплылась в улыбке, на скулах даже наметился румянец, не посещавший их, наверное, последние лет пятнадцать.

– Ну так проходите тогда, гости дорогие, проходите. Вот сюда, туточки обосновался бесь...

Вис ломанулся в дом, но бабка непреклонно выпихнула его старческим пузиком, а я гаденько захихикала: «специалист» понятия не имел, что вредники предпочитают места тёмные, сырые и прохладные, причём желательно, чтобы там ещё и хранилась какая-никакая снедь. То есть, подвальные каменные дома подходили идеально. Те самые, где ещё любят ютиться мыши, да.

Ну, раз от компании сегодня не отделаться, я, по крайней мере, могу получить от неё удовольствие. Рура подхватила Виса под одну руку, я под другую, и потащили мужичка вместе с его заплетающимися ногами в погреб.

По ступенькам Вис спустился сам, хоть меня так и подмывало помочь ему и придать ускорения пенделем.

– У-у-у-у! Морда! – погрозила напоследок старуха притаившемуся невесте где вреднику (а может и наглому воришке), после чего аккуратно прикрыла дверку.

Прямоугольник света сузился до продолговатой полосочки, то увеличивающейся, то уменьшающейся из-за сквозняка. Запирать вход не полагалось, иначе обезумевшему от страха бесю не удастся скрыться, а продуктов, что здесь хранились, он в таком состоянии может перепортить больше, чем за год спокойной жизни.

Я сняла с шеи и привесила на крючок к окороку камешек на плетёном шнурке. Постучала по амулету ногтем – тот сразу засиял зеленоватым мертвенным светом поганок, делая мою и без того зловредную физиономию совсем уж плотоядной.

– Ну что, господин Когтистус Лапикус, всё ещё тянет писать научный трактат?

Но Вис, вопреки моим предположениям, уже осмелел. Не то его боязнь мышей была такой же придумкой, как и все остальные детали биографии, не то он руководствовался принципом «не вижу опасности – опасности не существует». Короче говоря, он уже попытался надкусить вяленый окорок, не преуспел и принялся изучать содержимое бочонков с соленьями.

– Рура поймает – на угрозы размениваться не будет. Сразу к судье потащит, а он лапы-то тебе без лишних разговоров поотрубает, – предупредила я, будто бы и вовсе не глядя на Виса, а целиком увлечённая поиском логова вредителя. – А я подержу.

– А раффе эфо я? – удивился тот. – Фкожник фе!

– Шкодник мочёные яблоки не жрёт, он вообще нашей едой не питается, – я выхватила у поганца второе яблоко и тоже вгрызлась, а то чавкает так вкусно, что сил нет. – Токо попофтить мофет. Ага, фот ты и попафся!

Я зажала отборный (с смысле, отобранный у конкурента) фрукт в зубах, встала на четвереньки и принялась осторожно разгребать гнездо.

Рыжая макушка просунулась у меня под мышкой:

– Помочь?

– А помоги, – я выпрямилась, отряхиваясь. – Только осторожно, не спугни шумом. Надо добраться до самой норы.

Вис с готовностью сунулся к гнезду и тут же брезгливо отдернул ладони:

– Эй! Мокрое же всё! Он там нагадил!

– Конечно, – ковыряясь в сумке, подтвердила я, – он всегда так делает.

– А предупредить? Я бы хоть палочкой какой...

– Ну, во-первых, любой инструмент он воспринимает как угрозу и сразу идёт в атаку. А во-вторых... – я с наслаждением наблюдала, как Вис суетится в поисках тряпки, чтобы вытереться, и закончила: – Оно того стоило.

– Один-один, – прищурился вор, раскидывая остатки гнезда носком сапога.

– Два-один, – хмыкнула я.

– А почему это два? Ай! – он заскакал на одной ноге, как цапля, поджав вторую. Из дырки пока ещё не сочилась кровь, но я по себе знала, какие острые и длинные зубы у этих тварей.

– Вот поэтому, – удовлетворённо кивнула я, снова опустилась на колени перед гнездом и, чутко прислушиваясь к каждому шороху, как и в первый раз, начала охоту.

О да, он там, внутри! Затаился, едва слышно скребёт коготками землю, накручивая себя и готовясь к прыжку. Пока скребёт – не страшно. А вот как затихнет, – сразу бросится. Убить не убьёт, но сильно исцарапать, а то и глаз вырвать может запросто. Или заразить какой дрянью: тонкие длинные зубки вредителей легко прокусывают хребты крысам и хорькам, на которых они обычно и охотятся. И заразы переносят, соответственно, столько, что лечить-залечиться. Хорошо хоть первыми почти никогда не нападают.

С чего бы, спросите вы, такого хорошего зверька выпроваживать из погреба? Вредителей убивает, первым нападать не спешит... Считай кошка, только кормить не надо.

Вот только, питаясь вредителями помельче, вредитель не забывает вредить вместо них: чего экологической нише пропадать? Нагадить в зерно; понакусывать колбасы, отчего те через день-другой покрываются мерзотной зеленоватой слизью, которую нельзя смыть проточной водой и перепродать продукт кому-нибудь нетребовательному; попортить стены, чтобы те же грызуны с лёгкостью пробрались в погреб и расплодились. К тому же, почуяв угрозу, бесь вконец озверевал, принимался носиться, не разбирая, где пол, где потолок, и заражал гнилью всё, чего касался. Так что пусть уж лучше крысы, чем такое счастье!

Сунув в обнаруженную нору пук сушёного зверобоя (выбрала самый неприглядный, не годящийся уже для зелий; всё одно только вонючий дым и нужен), я порылась в сумке и досадливо щёлкнула пальцами.

– Эй, бельчонок!

– К вашим услугам, – элегантно склонил голову Вис.

– Огнива не найдётся?

– Всё ж таки пригодился, а? – самодовольно хмыкнул вор.

В ладонь легли кресало и камень, трутом послужила заготовленная трава. Вместо ответа я хорошенько чиркнула инструментом, выбивая искру и представляя вместо камня челюсть «специалиста по мелким вредителям».

Задымил. Тоненькая полупрозрачная ниточка потянулась из недр букетика. Достаточно покамест. Пусть бесь надышится и ословеет. Я поглубже сунула пучок в нору и уселась ждать.

В животе отчётливо урчало: бутерброд по дороге я так и не съела, а мочёное яблочко лишь напомнило об отсутствии завтрака. Я с тоской покосилась на окорок под потолком, но соблазну не поддавалась и не струганула его ножом. Не то чтобы я такая уж честная, нет. Просто в зеленоватом свете артефакта он уже казался заплесневевшим. Наверняка бесь успел попробовать его на зубок, а маяться животом мне не улыбалось совершенно.

Поэтому я достала помятый хлеб, сдула налипшие на сало мелкие листики зверобоя и принялась жевать.

– На вот плесни на ногу, – перебросила плотно закупоренный флакончик Вису. – Да смотри не нюхай!

Вор, сидящий на ларе и казалось бы, целиком занятый изучением дырки в сапоге, словил бутылёк, даже не взглянув в мою сторону. И тут же, ясное дело, понюхал. Тошноту сдержал, молодец. А то, если бы склонился тут же, Рура его же и заставила бы убирать. Гм, жалко тогда, что сдержался...

– Это что за дрянь такая?

– Ты рану полей, а не рассуждай.

О составе зелья я благоразумно не стала распространяться: тогда желудочным спазмом дело бы точно не обошлось.

– Так эти твари ядовитые?!

– Ну не так, чтоб на убой. Больше просто грязные, – передёрнула плечами я. – Эй, всё-то не лей!

– Ты ж сказала «плесни»!

– «Плесни», а не «выплесни»! Дилетанты...

Я зажала в зубах остатки бутерброда и занялась укусом сама. Вис с готовностью подставил ногу в вонючей портянке, продолжая при этом любовно обнимать сапог.

– Ай! Эта отравка, небось, ещё похуже той, что на зубах у шкодника! Щиплет же!

Я рыкнула сквозь бутерброд и зафиксировала дрыгающуюся ступню коленями.

Хоть Вис и возмущался, времени зря не терял и успел вырвать торчащую из моего рта половину бутерброда, приговорив её прежде, чем я прожевала остаток и рассвирепела. Получилось только мстительно надавить на ранку.

– За лечение заплатишь отдельно, – предупредила я.

Когтистая лапка склонился и проникновенно поинтересовался:

– И чем же предлагаете с вами расплатиться, сударыня?

Попытался убрать растрёпанную прядь мне за ухо, но получил по пальцам прежде, чем изловчился это сделать.

– Лучше деньгами. Но, если что, возьму печень, – подчёркнуто спокойно ответила я. – Многие предпочитают именно такой расчёт. Нет, ты не бойся, я её вырежу аккуратно, ты потом сможешь ещё лет десять прожить. Хотя нет, с твоим характером, – не больше пяти.

Допускаю, что дело в единственном источнике света мертвенного оттенка, но всё же хотелось бы приписать покрывшую его мордашу аристократическую бледность себе.

Единственный источник света... Кстати, а почему единственный?

Дымок медленно, но терпеливо заполнял погреб, хотя должен был вытянуться сквозняком от двери.

– Да чтоб тебя!

– Что? – Вис сразу не понял, что тирада адресовалась не ему.

Дверь была плотно закрыта. Мы и не обратили внимание, в какой момент короткий ритмичный скрип перерос в один протяжный и умолк. Кто-то замкнул нас снаружи!

– Нет-нет-нет!

Я бросила потрёпанную ногу Виса и взбежала по ступенькам. Уперлась плечом... Нет, заперто! Неужели старуха запамятовала, что мы внутри? Или кто-то из домашних не получил предупреждение и задвинул засов по ошибке? Да что б ни было, дело плохо!

Нет, конечно, мы не задохнёмся от дыма. Да и покричать, позорно призывая на помощь, всегда можно. Но прежде, чем нас выпустят, успеет случиться кое-что крайне неприятное.

– Ложись!

Вниз я скатилась кубарем, едва успев навалиться на вора.

– М-м-м, а так полежать я совсем не против, – промурлыкал он, спеша пристроить завидушие лапки на наиболее стратегически выгодном месте моего тела.

И в этот момент шкодник сошёл с ума. Дым зверобоя заполнил нору, заставив беся вертеться вокруг оси, бестолково грызть камень в попытке прорыть второй выход вместо заткнутого. Он взвизгнул, и, едва не застряв надутыми для устрашения боками в крошечном лазе, выскочил из убежища, как пробка из бутылки! Букетик зверобоя венчал его треугольную мордочку, продолжая нещадно дымить, заставляя щериться и шипеть, скалить острые зубки и носиться с немыслимой скоростью, спасаясь от невидимого врага.

Бесь был небольшой. Размером с крупную кошку или мелкую собачонку. А вот когти его размерам тельца ни капли не соответствовали! С лёгкостью пропахивая борозды в холодных каменных стенах, как в масле, они так и норовили задеть мой зад или Висов перёд. Нет, такими темпами одного бутылка зелья всяко не хватит! Он же на нас живого места не оставит, если случайно не угробит!

Вис, напрягшись всем телом, перевернул нас обоих, оказавшись сверху, пригнулся – шkodник задел рыжие кудряшки, в воздухе осталось несколько волосков, отрезанных острыми когтями.

– Клетку надо было! – вор увернулся снова, случайно зарядив мне макушкой в челюсть. Зубы лязгнули не многим тише шkodниковых.

– А то сама не знаю! – огрызнулась я.

– Ну, видимо, не знаешь! – бесь распахал телогрейку на шесть борозд, полетели обрывки ткани.

Ну конечно же надо было взять клетку! Была б у меня цель изловить нечистика, я бы её подготовила, предварительно заговорив, чтобы способный прогрызть булыжник зверёныш не выбрался. Ну и куда бы я его потом? В печь? Нетушки, всяко тварь живая!

К тому же, я его выгоняю уже из шестого дома: на предыдущее место шkodник не возвращается, облюбовывает новое. А хозяева не станут разбираться, тот ли это вредитель, что в прошлом месяце мучал старуху в конце улицы, или другой.

– Мне за его изгнание уже девять раз в разных семьях заплатили! – не выдержала я.

Вис приподнялся, глядя на меня по-новому, с явным уважением:

– И ты что-то говорила про честное имя? Да ты мне ещё фору дашь в обмане, ведунка!

Я и вралю, который каждые семь дней якобы свежую рыбу сбывает на площади, фору дам! Но это моё дело.

– Слазь! – коротко скомандовала я, пытаюсь высвободить из ловушки воротника гроздь амулетов.

– Дай я!

Когтистая лапка коротко рванул мою рубашку, не только попортив воротник, но и добавив наряду незапланированную пикантность.

Я уперла пятерню в его довольно вытянувшуюся физиономию, отпихивая, застучала камешками артефактов, выбирая нужный.

Ох, не хотелось его использовать... На один раз ведь, потом целый день восстанавливать. Впрочем, куда его ещё? Человека разве что малость обожжёт, только шkodника сбить и хватит.

Сорвала неприметный уголёк с дырочкой посередине, одним махом, как нить при шитье, перекусила верёвочку и надела на указательный палец.

– Торжественно объявляю вас дураком и дурой, – вставил воришка.

Отпихнув и вновь оседлав его, я заслонила свободной рукой говорливый рот, чтобы избежать себя от несвоевременных комментариев, прикрыла один глаз и взяла шkodника на прицел окольцованного пальца. Попыталась, точнее, потому что бесь носился, не делая разницы между полом и потолком, его не то что задеть, за ним уследить было невозможно!

Уголёк раскалился докрасна, казалось, вот-вот прожжёт кожу, но нет. Когда боль стала невыносимой, алый жар перетёк с амулета на палец и направился к ногтю, чтобы на его кончике собраться в искру, подрасти, заурчать, как живой и...

– Пиу! – шутливо скомандовала я, и искра сорвалась с ногтя.

В покачивающемся окошке, на котором только что висел орущий нечистик, остался ровный обугленный круг с блюдце размером и шесть глубоких дыр.

Сам бесь, оттолкнувшись от опоры и обронив при этом на пол камешек-светильник, сиганул на стену; с неё – на потолочную балку, уцепившись когтями не хуже, чем горными крюками; оттуда – под защиту бочек с соленьями, протаранив одну, из-за чего погреб тут же наполнился кислым ароматом; и снова к потолку в попытке спастись от проникающего повсюду зверобоевого дыма.

– Ровнее руку держи! – не выдержал Вис.

– Самый умный? Ну так давай сам!

Я взвизгнула, пригибаясь, чтобы шkodник не вцепился мне в волосы, а тот, пролетев мимо и развернувшись, кажется, прямо в прыжке, пошёл в осознанную атаку. Эти существа не слишком сообразительны, но связать угрозу с появившимися возле логова незнакомцами его умишка достало. К тому же, этот конкретный бесь уже был со мной знаком. Прежде предпочитал улепётывать в приоткрытую дверь и искать новый дом, но на этот раз выход заперли: бежать некуда...

– А если бы ты не научила, я бы не догадался!

Шкодник встопорщил шерсть на щеках, оскалился, вытянул вперёд все четыре длинные тонкие лапки, заканчивающиеся когтями-крючьями. Я попыталась ещё раз воспользоваться амулетом, но того хватило лишь на один удар. Во второй раз бесь едва обдало жаркой волной, не замедлив, а разозлив ещё больше, окончательно превратив жертву в охотника.

Я закрылась локтем, тщетно надеясь, что кожаный плащ защитит, и когти вспорют мне руку хотя бы не до костей.

Мужская ладонь метнулась к моему бедру. Отклониться не успею...

– И-и-и-и-и-и!

Свист!

Где-то совсем рядом что-то глухо шлёпнулось на утоптаный земляной пол.

Я открыла глаза. Обмякшее, теперь совершенно не кажущееся смертоносным тельце, лежало в какой-то маховой¹, нанизанное на мой охотничий нож. Замершая в воздухе рука Виса медленно опустилась только после того, как бесь содрогнулся в последний раз и одеревенел.

– До чего же ты хороший учитель! – ехидно протянул бельчонок.

– И ученик ничего, – попыталась я сглотнуть слюну пересохшим ртом.

Вис подставил ладонь, и я слабо шлёпнула по ней, негласно объявляя перемирие.

– Да нет, ты сиди, сиди! – попытался помешать мне слезть с него вор. – Я только вошёл во вкус...

– Лежать на холодном вредно, – я протянула ему руку, помогая подняться.

Когтистая лапка вразвалочку подошёл к трупiku, пошевелил его сапогом и вытащил нож. Вытер, протянул мне:

– Это, конечно, не букет цветов, но для начала сойдёт.

Рура так и не созналась, что по недосмотру заперла погреб. Ещё и поскандалила чуток из-за порченных продуктов. Платить консультанту, несмотря на велеречивые проповеди и клятвы, что без него я бы нипочём не справилась, тоже отказалась. Как, впрочем, и я: с непроницаемым лицом заявила, что стоимость истраченного на лиса зелья почти полностью компенсируется помощью в усекновении шkodника, и теперь он мне должен всего-то девять серебрух.

Тем не менее, вдохновлённый победой Вис не отставал от меня до самого дома, предлагая всё более доходные и всё менее законные способы подзаработать. Я слушала вполуха, бездумно поглаживая рукоять охотничьего ножа. Тяжёлого, даже близко не держащего тот баланс, который нужен метательным.

– Нет, ну скажи, мы отличная команда! – по-дружески пихнул вор меня в плечо.

Я остановилась у самой калитки, развернулась к нему. Улыбается, хитро сверкает глазами. Сказал ли он хоть слово правды с тех пор, как появился в Холмищи или всем остальным врал так же непринуждённо, как мне?

Вздыхнув, скинула трофейный плащ и протянула вору, давно избавившемуся от ошмётков телогрейки.

– Я работаю одна.

И скрылась во дворе.

¹ Маховая (сажень) – старинная мера длины около двух метров, равна расстоянию размаха обеих рук.

Остановилась снова только на пороге, не оборачиваясь, чтобы, если вдруг Вис задержался, он не заметил плотно сжатых губ, которым ведунка не даёт расплыться в улыбке. Что уж, и правда неплохо сработались...

Но, стоило войти в избу, едва наметившаяся улыбка тут же угасла.

На этот раз искали грубо: зло перебили склянки и посуду, раскидали запасы трав, даже подушку вспороли и выпотрошили, оставив истекать перьевыми внутренностями. Тайник с деньгами под потолком тоже нашли и не преминули опустошить.

Стоило всё-таки поставить ещё одну ловушку.

Я прикрыла веки, успокаиваясь, судорожно выдохнула, не позволяя себе взбеситься, как тот шkodник. Подошла к очагу, в котором грабители не постеснялись перевероршить уголь, и за краешек вытащила скомканную почерневшую бумажку: «ИЛИТНАИ АХРАНАИ АГЕНСВО». Они ведь прямым текстом заявили, даже нарисовали! Их трое. И один успешно отвлекал меня с самого утра.

– Я работаю одна, – повторила я, разрывая пергамент на мелкие клочки.

Глава 5

Мелкий и Морис

Обрывки бумаги пеплом опускались в блюдо с водой.

Первый, второй, третий, четвёртый...

Один за другим они зависали в воздухе, порхали, огибая посудину по краю, но неизменно падали на серебристую гладь, тревожа её робкими прикосновениями. Какие-то кружились на месте, иные останавливались у каёмки, некоторые, не решаясь выбрать место сразу, курсировали туда-обратно, повинуюсь не законам природы, а зову ведунки.

Последний не желал падать дольше остальных. Он остановился в пяди над водой, выбирая наиболее подходящее местечко. Хотелось подтолкнуть его, поторопить, но так и обряд запороть недолго. Я нетерпеливо пощёлкала пальцами, но сдержалась.

Всё! Наконец-то!

Наклонилась над блюдцем так низко, что, не будь композиция магической, сбила бы дыханием места положения каждого из указателей. Но клочки не шелохнулись даже когда я, резко выдохнув, спросила:

– Где они?

Бумага вспыхнула, мгновенно сгорая. Огонь и вода редко дружат, если не знать, как попросить. Я знала. Поэтому владычица Луза и правдолюб Уголёк ответили. Пламя искривилось, сменило форму, зашипело... В огне проступили силуэты знакомых домов. Западная часть Холмищ как на ладони, на маленькой волшебной карте: вот харчевня, где подают отвратную жарёху, но зато балуют свежей рыбкой с хрустящей корочкой; покосившаяся хибарка, которую я, что ни год, заговариваю от гнили: не потому что у хозяина нет денег на ремонт, а потому что скуп и каждую осень планирует помереть, да всё никак не соберётся; пересохший колодец: я вдыхала жизнь в истощившийся родник каких-то два дня назад. И домик в обрамлении чёрного дыма, чтоб не спутать его с соседними, – цель.

– Вот вы и попались, голубчики, – хмыкнула я.

Домишко оказался более чем подходящим для преступников. Низенький, втиснувшийся между парой богатых хором с белёными стенами, точно надвинувший крышу-шляпу на глаза, чтобы скрыться от проходящих мимо стражников. Никто и не обратил бы внимания на жилище, разве что краем глаза отметил как сарайчик или другую хозяйственную постройку. Но домик был жилой, хоть и пустовал в последнее время: старая хозяйка всё чаще и дольше гостевала у детей на соседней улице, так что, видно, не пожалела сдать избу приезжим. Конечно, на постоялом дворе их бы заметили скорее, а так живут и живут. Может, родня? Ворам лишнее внимание ни к чему.

Вот только от меня не скрыться. Любовно нарисованная кем-то из «элитного охранного» листовка была для меня лучше красочной вывески «здесь поселились грабители».

Я вынула из сумки маленькую метёлку на короткой ручке, с мужскую ладонь размером. Со стороны сойдёт за детскую игрушку, не более. Вот только троица нахалов, отведав этого угощения, заречётся связываться с ведунками.

Стучать я побрезговала. Не помню, чтобы ко мне стучали! Шарахнула ногой – не заперто.

– Ну что, хозяйева, потолкуем?

Я подбоченилась, перекрыла проход и, словно карающая Туча, громыхнула дверь.

И как втроём тут поместились? Тесно, темно, затхло, лавка у печи завалена каким-то хламом и накрыта сверху тряпкой, воняет лежалой копчатиной и дешёвым пивом, так и тянет распахнуть окно, чтобы проветрить.

– Эй, дамочка, у вас проблемы?! – с полатей прыгнуло нечто маленькое, мне по бедро, но грозно сопящее и многозначительно ударяющее кулаком по раскрытой ладони. – Нет? Так мы их вмиг устроить можем!

А вот этот голосок я уже слышала! Звучал он тогда намеренно высоко и пискляво, но...

«Тёнька, купите пирожка!»

– Ах ты ж маленький гадёныш! – недолго думая, я хлестнула недорослика метёлкой.

За дуру меня держать вздумали?! Значит, с самого рынка пасли, следили и отвлекали, пока рыжий вор обшаривал мой дом! Ну, где этот поганец теперь? Подайте-ка его! Я стеганула ещё раз, коротышка взвизгнул и принялся неистово чесаться. погоди, хороший, это ты сначала только чешешься! Как пойдут по всему телу вонючие волдыри, ты меня ещё не раз вспомнишь!

– Где он? – нехорошо колотить маленьких, но ради такого дела я готова и принципами поступиться, поэтому добавила снова, выбивая из мини-воришки правду: – Где эта завидушая Когтистая лапка, а?

– Ненормальная! Ты что творишь, женщина!

– Колись, коротышка, где Вис? Вы все трое у меня ещё месяц сесть не сможете! Где Вис? Где третий?!

Остёг-травка жётся похлеще крапивы. А уж если выдержать веник в болотной воде, да посыпать кладбищенской землёй, и вовсе становится незаменимой вещицей в котомке одинокой женщины. Я же не сразу ломанулась уму-разуму учить придурков, подготовилась сначала.

Но случившееся дальше заставило пожалеть, что не пожаловалась стражникам, а пошла разбираться с шайкой самостоятельно.

Недорослик вдруг перестал чесаться, хотя, точно знаю, зуд его мучал неимоверный. Но, видно, другое место зудело сильнее:

– Как ты меня назвала, дылда ногастая? Это я коротышка? Я?! Да я... Да мы тебя сейчас... Да я... Ме-е-е-елкий!

Ой-ёй-ёшеньки! Не на таком уж плохом счету я у доблестных наших стражей, стоило всё-таки обратиться к ним...

То, что я приняла за грудку хлама на лавке, оказалось не хламом, а вполне одушевлённым, огромным, сонным и крайне недружелюбно настроенным горняком. Сев, он показался ещё крупнее, чем лёжа. Вот про таких и говаривают «косая сажень в плечах». В плече. И ещё одна косая во втором (и, если я и преувеличила, то самую малость!). Забывают также упомянуть про бритый затылок и покрытую густой растительностью спину, наверное, в качестве компенсации за голову.

Он тяжело молча поднялся.

– Бе-е-едненький, – протянула я, – как же ты ходишь-то так?

И правда, передвигаться, когда целиком состоишь из мышц, а руки настолько накачаны, что невозможно прижать их к туловищу, должно быть крайне неудобно. Но горняка это не смущало.

– Ы, – он расплылся в оскале (улыбка на такой харе смотрелась бы чем-то чужеродным, только оскалу и место).

– Ага, – слабо кивнула я, пятясь.

Да уж, хорошо, что в прошлый раз громила стоял против солнца. Разгляди я его рожу сразу, точно не решилась бы угоститься «кваском». Даже средь бела дня и когда вокруг уйма народу. Сейчас же рядом вообще никого, а я ещё и сама явилась исключительно со злыми намерениями.

Позорно сбежать? Можно, наверное. Даже если эта парочка примется меня догонять, громила потеряет время, протискиваясь в узкую дверь, а коротышке придётся вдвое чаще перебирать ногами, чтобы меня догнать. Но я не убегала уже очень-очень давно...

– Держи её! – скомандовал коротыш, и я словно проснулась.

– Ну всё, ребятки, – в покрепче стиснула метёлку, – мамочка рассердилась!

Вместо того, чтобы драпать, как поступила бы любая нормальная женщина, я ломанулась навстречу горняку. Он раскрыл объятия, готовый ко встрече, но в последнюю секунду я бросилась на пол и скользнула между ног. Благо, противник оказался мужиком высоким, а то обидно было бы не вписаться, так сказать, в поворот. Оказавшись позади нападающего, я тут же подскочила, хлестнула его промеж лопаток метёлкой и добавила каблуком по задку, заставив пробежать вперёд пару локтей. Не прошиб лбом стену лишь потому, что крепости они оказались приблизительно одинаковой.

Едва затормозив, горняк начал неистово чесаться. Ну, то есть, попытался почесаться. Огромные мышчатые руки незаменимы в бою, но ежели засаднит спина... Он тянулся изо всех сил, крутился вокруг оси, как пытающийся догнать собственный хвост кобель, но всё равно не доставал. Лишь сосредоточенно хмурил маленький лоб и всё больше походил на обиженную дитятю.

Мелкий попытался напасть сзади, рассудив (небезосновательно, надо признать), что его я за врага не посчитаю. Я увернулась чудом, лишь потому, что, поддавшись коллективному бснованию, тоже дёрнулась почесать локоть.

– Спокойно, коротыш! А то наступлю ненароком, – я ловко задрала ногу, пропуская недорослика под коленом. Тот униженно затопал ногами... Хи, нет, не ногами: малюсенькими миленькими ножками в детских башмачках. Я аж умилённо протянула:

– О-о-о-оу!

– За «оу» ответишь! – кровожадно пообещал малыш и вооружился грязной сковородкой, забытой на столе, судя по присохшим остаткам, с завтрака. С позавчерашнего.

Я присела на корточки:

– Ну иди же сюда, маленький, расскажу сказочку!

Коротышка остановился в противоположном конце комнаты, предусмотрительно не приближаясь. И правильно сделал: метёлка-то всё ещё при мне!

– Лучше расскажи, что тебе дышать нечем, – он подбросил сковородку вверх, снова сновисто поймав за ручку. Во все стороны полетели ошмётки горелой яичницы.

– С чего бы это? – пытаюсь повторить удачный манёвр, я перекинула метёлку из руки в руку, но оказалась не так проворна и чуть было не упустила рукоять.

Коротышка скушаяще зевнул и равнодушно указал мне за спину:

– А вот поэтому.

И мне действительно стало сложно дышать. А как подышишь, когда тебя поверх рук страстно обнимает огромный горняк, сильно недовольный знакомством с чудодейственными свойствами остёг-травы?

– Привет, – басом поздоровался он.

Я сходу лягнула пяткой в голень, но здоровяк этого, кажется, и не заметил. Зато заметил коротышка: когда он приблизился, дабы исполнить злодейский долг – позлорадствовать, я отклонилась назад, упираясь в бугая, и брыкнулась сразу двумя ногами. Недорослик пролетел на бреющем полёте до самой печи, сшиб лавку, запутался в одеяле и при этом не забывал обзывать меня такими нелестными словами, что, не торчи снаружи его крошечные умильные ботиночки, я бы даже оскорбилась.

Что ж, выпускать меня подобру никто явно не собирался. Значит, и я никому не задолжала «поздорову».

– Как убывает месяц, как иссыхает ручей...

– Чегой-то она бормочет? – первым забеспокоился горняк.

– ..как желтеет ковыль, как гниёт мертвечина...

– Эй! – коротышка высвободился и замахнулся сковородой, но подойти ближе не решился. – Эй ты, ногастая! Давай полегче! Эй, ты чего?!

– ...так и тебе убывать-иссыхать, гнить-желтеть, дурачина, – продолжала я, очень надеясь, что наспех сочинённый нескладный заговор, если не подействует, то хотя бы достаточно напугает воришек. И тут я не просчиталась.

– Морис! Забери её! – горняк отпустил меня и торопливо подпихнул в сторону коротышки, но тот вспрыгнул на скамью (ути божечки! Теперь он почти одного роста со мной!) и принялся размахивать посудиною, больше надеясь не подпустить меня, чем вырубить.

– Сам держи! Да заткни ей рот скорее, а то точно проклянет!

– Вот ты и заткни! Тьфу-тьфу-тьфу! – здоровяк плевал то через одно, то через другое плечо, не в состоянии вспомнить, которое из действий отводит сглаз.

А я сильнее нагнетала обстановочку: тянула скрюченные пальцы, душила воздух и коротко бросалась то на одного, то на другого преступника. Мужики крутили кукиши, по поверьям, способные защитить от дурных взглядов, а на деле только их провоцирующие. Боялись. Но из избы выпускать не спешили...

Я метнулась к выходу, максимально устрашающе выпучивая глаза. Лысый и без того вот-вот попытается на стену от меня влезть, авось шуганётся... Но вместо того, чтобы броситься в сторону, он рухнул на колени и заорал:

– Смилуйся, матушка!

А затормозить я не успела. Так и налетела на горняка, врезалась и растянулась на полу.

– Вяжи!

Обычно топот маленьких ножек заставляет женщин умиляться. Но не в тех случаях, когда ножки принадлежат коротышке-грабителю. Недорослик прихватил с собой одеяло, накинул мне на голову и уцепился всеми конечностями, чтобы не освободилась.

Судя по звуку, кто-то задумчиво поскрёб щетину на затылке:

– Нести верёвку?

– А сам как думаешь?! И кляп!

– А ты рот ей зажми пятернёй.

Я идею поддержала, с готовностью сжав зубы.

– Ай! Кусается, дылда!

– М-м-м! Я тебя сейчас так покусаю, век помнить будешь! М-м-м!

Кляп мужики всё-таки нашли. И с явным облегчением сунули мне в рот вместе с куском одеяла. Ну, вот тебе и непобедимая ведунка. Столько видела, столько пережила... А помру по собственной глупости и высокомерию. Ну, это у нас семейное...

Дверь хлопнула, когда я уже продумывала страшное проклятие, которым награжу убийцев перед гибелью: всем известно, последнее ведьминское слово держится чудо как хорошо, даже если сочинилось наспех (это, конечно, при условии, что его вообще удастся произнести).

– Нет, вы представляете?! Всюду поганные конкуренты! – начал знакомый голос, тут же наполнившийся возмущением: – Чего ещё вы тут устроили?!

Все четыре руки... Эм, ладно, две ручищи и две ручонки, разом меня отпустили.

– Это не я! – торопливо заверил бас.

– Она сама заявила! – наябедничал писклявый голосок.

– Ведунка?!

Вис одним движением распутал одеяло. Вытаскивая кляп, чуть не поплатился пальцем, но вовремя его отдёргнул. Рывком поднял, отряхнул, пригладил растрёпанные волосы. Горняк подхватил валяющуюся рядом сумку, бочком приблизился и подал, глядя в сторону.

– Право, нам очень-очень неловко! – руки воришки двигались так ловко, что, пока я успевала заметить, как они пошарили в моей котомке, впору уже было негодовать, что слишком задержались пониже талии. – Произошло ужасное недоразумение! Не подумай плохого, мы люди честные...

Я вырвала поклажу, повесила на плечо и откинула назад, подальше от шаловливых ручинок:

– Засуньте эту свою честность, знаете куда?

– Так, а что, кто-то её без согласования доставал?! – сурово обернулся Вис к поделщикам, но даже я углядела плохо скрытые смешинки в его глазах.

Здоровяк и коротыш насупились, горняк смущённо шаркнул ножкой.

– Она первая начала, – пожаловался он.

Вор только руками развёл и снова повернулся ко мне:

– Ну что с них взять! Не держи зла, ведунка! Они головушкой малость стукнутые... А как же иначе-то, когда мы с братьями скрываемся от страшной опасности?!

– С братьями? – скептически уточнила я. Насчёт общих родственников разбойной троицы не оставалось никаких сомнений: их не имелось.

– Сводными, – вывернулся лис и тут же вдохновенно продолжил, не забывая поправлять на мне одежду, попутно обследуя карманы, и ненавязчиво подталкивать к столу: – После того, как мы бросили огромное наследство и отправились на поиски приключений...

– Наследство? А как же отец, который вас колотил? – едко напомнила я предыдущую легенду.

– Колотил! – подхватил Вис, а парочка на заднем плане активно закивала, готовая согласиться с любой из версий событий. Чесаться они при этом не переставали, так что я злорадно выжидала, когда зуд станет настолько сильным, что разбойники, забыв о гордости, на коленях начнут вымаливать прощенья. – Он вообще был редкостным мерзавцем и хотел выгнать моих братьев из дома, но я принял волевое решение, отринул золотые монеты и наследный замок...

Я брезгливо принялась к погрызленным остаткам (скорее уж «останкам») еды, и Вис, заметив это, проворно стряхнул их рукавом на пол, затолкал под стол и сам на него уселся.

– Ладно, – согласилась я, – допустим, я тебе поверю. Так кто из этих двоих, говоришь, сироток из воды спасал?

– Он, – не отрывая от меня хитрящего взгляда, наугад ткнул рыжий.

– Я? – удивился удостоенный чести горняк.

– Тогда почему он не умирает? Ведь ты за этим приходил меня грабить, так? Чтобы спасти подхватившего лёгочную болезнь брата.

Вис замялся, пытаясь вспомнить, что и кому за последнее время наплёл.

– А он умирает, – нашёлся воришка.

– Кхе-кхе, – смущённо подтвердил здоровяк.

– Прямо совсем умирает! – поднажал Вис, и горняк подключил все свои актёрские способности: схватился за грудь, сполз по стеночке и горестно всхлипнул.

– На кого же ты нас покидаешь?! – с готовностью подхватил коротышка, падая на колени и пряча ухмыляющуюся мордочку в растительности на торсе друга.

– Эй, я же притворяюсь, не бойся! – громогласным шёпотом успокоил его амбал.

Плечи коротышка затряслись пуще прежнего – уже от смеха.

– Молчал бы уже! – глухо посоветовал он.

– Не пались! – сквозь зубы процедил Вис, но, как только я повернулась к нему, снова обезоруживающе честно улыбнулся.

Ну что ж, похоже, убивать меня сегодня не собираются. Значит, можно немного и понагнать. Я уселась поудобнее, закинула одну ногу на другую, задумчиво покачала стопой:

– Так, говоришь, вы трое братья?

– Да! – подтвердил рыжий.

– Конее-е-ечно, – протянул коротыш, остервенело расчёсывая ляжку.

– И явились в Холмищи, чтобы спасти от страшной хвори этого бугая, который поздоровее меня будет? А я на здоровье, вообще-то, уже лет восемьдесят не жалуюсь.

– Именно!

– Чистейшая правда!

– И ограбить меня пытались из одной лишь братской любви?

– А то!

– Других причин вообще не было!

– Оба раза?

Вис принялся загибать пальцы, что-то подсчитывая, и, наконец, заявил:

– Не, только один. А что, тебя ещё грабить приходили?

– Приходили, – кивнула я. – Но ты, конечно же, не в курсе.

– Не, мы ни при чём, мы городничего чистили... В смысле, мы люди честные, какой грабёж? Ты о чём вообще?

– А ты чего молчишь? – весело обратилась я к притихшему здоровяку, изображающему умирающего, но активно елозящему по стене, чтобы почесать хребет.

– А мне сказали молчать и не палиться! – отрапортовал он, с готовностью вскакивая и вытягиваясь по струнке.

Прильнувший к его груди коротыш при этом кубарем откатился в сторону, а Вис молча ударил себя ладонью по лбу. Безнадёжно уточнил:

– Ну хоть самую чуточку похоже на правду?

– Ни капелюшечки, – безжалостно отрезала я.

– Ну-с, в таком случае, – Вис спрыгнул на пол и изящно поклонился, хитро зыря на меня исподлобья, – со мной вы уже знакомы: Вис Когтистая лапка. Авантюрист...

– Лгун и сумасброд, я помню.

Он не ответил на колкость, вместо этого мотнул головой в сторону товарищей:

– А это Мелкий и Морис. Наше рекламное лицо и наш лучший боец.

– Что-то не тянешь ты на рекламное лицо, коротыш, – с сомнением протянула я, критически осматривая карлика: сморщенный, изварзанный в золе, с куцым хвостиком из жиденьких волос на затылке.

– Я не понял! – тут же подскочил он. – У тебя что, какие-то проблемы с моим ростом, дылда?!

Вис смущённо прокашлялся:

– Гм, вообще-то, это Морис, наш воин. – И добавил краем рта, продолжая лучезарно улыбаться: – С шутками про рост поосторожнее. А Мелкий – второй...

Я ещё раз хорошенько снизу-вверх оглядела горняка: от огромных стоп, босых, потому что наверняка не нашлось ни одних сапог, пришедшихся ему впору, до удивительно крошечной для такого тела головы с бритым затылком.

– Рекламное лицо? – на всякий случай уточнила я.

– В нашем деле нужно сразу заявить о себе, – Вис поднёс к свету пузырёк тёмно-синего стекла с сомнительным содержимым. Пузырёк, который только что лежал у меня в сумке, между прочим! Я отняла зелье, пока воришка и правда не углядел, чего это в бутылке плавает. Мы уже выяснили, что желудок у него крепкий, но у меня новые туфли, и рисковать ими не хотелось. – Мы с Морисом, к сожалению, не выглядим слишком внушительно, а заказчики в нашей... эм... области... предпочитают сразу понимать, за что платят.

– Ы! – подтвердил Мелкий, высунув для этого огромный палец из ноздри.

– А этот – воин? – я сильно наклонилась вперёд, якобы для того, чтобы рассмотреть коротышку.

– Хочешь проверить, великанша? – тут же пошёл в атаку тот, но горняк, не отрываясь от раскапывания ноздревых залежей, приподнял его за шкурку, и коротыш теперь перебирал малюсенькими ботиночками вхолостую.

– Ну что ты, маленький! Мамочка и так тебе верит! – голосом «лишь бы детонька не плакала» подтвердила я. Снова вернулась к Вису, вырвала у него браслет, который он невесть как успел стащить с моего запястья и уже примерял на собственное: – А чем занимаешься ты?

Только что отобранная цапка магическим образом оказалась в другой руке лиса. Он подмигнул, возвращая украшение, и ответил:

– Специалист по связям с общественностью.

– Хреновый же ты специалист, – намекнула я на наши несколько холодные отношения.

– Думаешь?

И тут я поняла, что его рука совершенно по-хозяйски покоится у меня на талии и слегка поглаживает бедро. Причём я, хоть убей, не могла понять, как давно это непотребство происходит!

– Ну с тобой же я как-то связался.

– И, гарантирую, ты об этом горько пожалеешь!

Я стряхнула его ладонь, но воришка, кажется, ни чуточки из-за этого не расстроился.

– Видишь ли, Варна, специалисты в нашей области ценятся некоторыми людьми. И кое-кто из этих «некоторых», скажем так, вывесил на доску объявлений внутреннего рынка заказ...

– Ведунскую книгу? – я поднялась, намереваясь уйти, отняла метёлку, которую Вис легкомысленно крутил между пальцами. – Я не намерена убеждать тебя в чём-то. Скажу в последний раз и больше не стану переливать из пустого в порожнее: никакой книги не существует!

Забрала у рыжего сумку, которая вместо моего плеча вдруг оказалась на его коленях, и заторопилась к выходу.

– И мы тебе верим, конечно же! Так, ребята? – хитро сощурился лис.

– Неа!

– Вообще ни капельки, – «согласились» ребята.

– Но тот, кто вывесил заказ, – нет.

Меня посетило очень нехорошее предчувствие. Меж лопаток зазудело сильнее, чем у Мелкого, который уселся на полу, вытянув ноги, и подставил спину для почесушек Морису.

– Внутренний рынок?

– Угу, – Вис ощупывал зубы языком, проверяя, не застряло ли в них что, поправлял кудри, вглядываясь в своё отражение в широком охотничьем ноже. Я даже не стала ворошить сумку, чтобы убедиться. И так ясно, что мой.

– И сколько на этом рынке таких... специалистов?

Морис ехидно присвистнул. Вис неопределённо качнул рыжими завитушками:

– Достаточно.

– И они, конечно же, тоже уверены, что им есть, что искать.

– Разумеется.

– И что же ты хочешь мне предложить?

Когтистая лапка неподдельно удивилась: неужели действительно считаешь, что у меня, честного обывателя, есть план на такой случай?!

– А я уже предложил. Мелкий, между прочим, полдня рисовал нашу визитку, а ты так и не оценила!

– Не оценила? – обиделся горняк.

– Ну-ну, только благодаря ей я вас и нашла! – я дёрнулась потрепать его за ушком, чтобы утешить, но почему-то передумала. – Охранное агентство?

– Ты знаешь кого-то, кто разбирается в вопросе лучше нас? – Вис прыгнул на пол и сделал большой полукруг, точно загоняющий добычу зверь. Полукруг поменьше, приближаясь. – Мы отвадим наших конкурентов, а ты оплатишь услуги.

– Деньги? – несколько брезгливо удивился Морис, но Вис выставил ладонь в его сторону, заставляя замолчать.

– Ну или, как ты сама предложила чуть раньше, устроим обмен натурой, – рыжий смотрел на меня так, что захотелось одеться. Я, конечно, и так была одета, но тянуло накинуть полушубок и укутаться в одеяло, да и то под его взглядом всё равно была бы как голая. – Варна, шалунья! О чём ты подумала, что так покраснела?

– Я не краснела! – я поспешно отвернулась, делая вид, что сотрудничество мне неинтересно.

– Как скажешь. Ну так что, по рукам? Ты работаешь с нами на паре сделок близ Холмищ, а мы взамен защищаем тебя от наших коллег. Поверь, одного присутствия рядом с тобой Мелкого будет достаточно, чтобы интерес к ведунской книге поугас.

О нет, кажется, ребята решили, что наткнулись на дурочку. Я развернулась и, выдерживая паузу, встретилась взглядом с каждым из преступников. Двое отвернулись, лишь третий, с насмешливо приподнятыми бровями, остался невозмутим.

– Чтобы я работала с ворами, – я издевательски поклонилась Вису, – убийцами, – кивок коротышке, – и наёмниками?

– Ы! – Мелкий поднял руку, догадавшись, что и его вниманием не обделили.

– Валите-ка вы из моего города, – холодно посоветовала я.

– Или что? – уточнил Вис, не выказывая испуга.

Угрожать, разминиваться на красочные описание проклятий? Нет, стадию игрушек мы уже прошли. Кто-то очень умный решил меня достать. Что ж, посмотрим, как быстро он устанет. Времени у меня навалом.

– Просто валите. Вам же лучше, – сказала я спокойно, без малейшей доли угрозы. Но даже огромный горняк поёжился, на секунду перестав чесаться.

Им полагалось меня переубеждать. Вис не впервой предлагает совместное мероприятие, не сложно догадаться, что без ведунки им не справиться с каким-то другим, не связанным со мной, дельцем. Я ждала, что он повысит ставки, что продемонстрирует красноречие. Но вместо этого рыжий, расслабленно подошёл и распахнул передо мной дверь:

– Что ж, значит, не судьба. Мы планируем ещё немного задержаться в городе.

– На случай если я передумаю? – усмехнулась я.

Он протянул руку, убрал за ухо короткую прядь моих волос и слегка, почти неощутимо, коснулся мизинцем жилки на шее, которая именно в этот момент предательски застучала быстрее.

– На случай, если захочешь ещё раз встретиться, Варна.

Глава 6

Новые знакомства и старые привычки

Когда они явились на поклон за лекарством, мы вдоволь повеселились. Ну... Я повеселилась.

Нет, оставлять Мелкого и Мориса с незаживающими струпиями я не собиралась. Хотя бабушка и рассказывала, что однажды выскочила так замуж: немного шантажа и угроз мотивируют к свадьбе кого угодно. Вроде как, тот женишок попытался сразу после лечения рвануть в закат, «случайно» забыв счастливую невесту. Благо, бабуля у меня женщина предусмотрительная. Пару волдырей она лгунишке оставила, скажем так, застраховала будущую счастливую семейную жизнь. Ну а от тех струпьев, ясно, расползлись новые. Свадьба благополучно состоялась, правда, скоро неверный благоверный до зубовного скрежета надоел супруге, так что пришлось разыграть не менее счастливую, чем жизнь, смерть в один день (самоотверженные подданные дважды перезахороняли ведунку, та замучалась выбираться из-под земли и зареклась впредь связываться с мужиками).

Я после истории с Лилем замуж не собиралась, тем более, за любую из двух непривлекательных третей элитного охранного агентства. Тем не менее, оторвалась по полной. А что, я нынче женщина одинокая! Кто мне прошлогодние листья сгребёт и огород вскопает? А о том, что это необязательные действия для снятия проклятия, наёмникам знать не полагается. Я, может, их трудом перевоспитать надеюсь!

– Сомневаюсь, что это поможет излечиться! – волоча через грядки слишком длинные для него грабли, бранился Морис.

Я флегматично сёрбнула чаем, плотнее запахнула края шерстяного платка и поелозила по ступеньке крыльца затёкшими ягодицами:

- Свежий воздух в принципе очень полезен для здоровья.
- И пахать на нас, как на лошадях, полезно?
- Труд облагораживает.

Облагороженный трудом и содержимым выгребной ямы, воняющий потом чуть сильнее, чем перегноем, Мелкий уфнул, сел прямо на землю и вытер потный лоб.

– Хор-р-р-рошо-о-о! – протянул он, блаженно шурясь на рыжий полукруг заходящего солнца. Днём оно нещадно палило, у горняка даже покраснели немногочисленные части спины, лишённые полога растительности. Ничего, примочки от волдырей, которые я им, конечно, отдам, как только закончат работу, помогут и от ожога.

- Что хорошо? Что тебе хорошо?! – взъелся коротышка.
- Ай! Ну ты чего кидаешься?
- Да не хныч, как ребёнок! Это всего лишь листья!
- Гря-а-а-азные листья!
- Как будто ты сейчас сильно чистый!

Вис вышел из дома так тихо, что засечь его не помогло ни человеческое чутьё, ни ведунское. Хотя что от последнего проку? Оно предупреждало только о смертельной опасности, причём, как правило, настолько поздно, что оставалось лишь иронически спросить «да что ты говоришь?», глядя на стоящего в сажени медведя.

Поэтому Когтистая лапка выдал себя намеренно, привалившись бедром к скрипнувшему перилам. Я с трудом удержалась, но всё же не вздрогнула, а равнодушно поинтересовалась:

- Ну что, всё обыскал?

– Обижаешь! – Вис выхватил у меня кружку с чаем, приложился, поморщился, плеснул в неё из фляги и отхлебнул снова, уже сладко по-кошачьи жмурясь. – Я же профессионал! Обыскал всё ещё в прошлый раз, к чему повторяться?

– И ничего не спёр?

Кружка опять перекочевала ко мне. А ничего, вкусненько. Какую-то травяную настойку добавил.

– Ну что ты! – неподдельно обиделся рыжий, а потом сунул руку в карман и с удивлением обнаружил в нём пестик от ониксовой ступки для трав. Пристроил в выступе наличника и смущённо пояснил: – Профессиональная привычка. А вот того, кто приходил к тебе вчера, профессионалом не назвать. По крайней мере, профессиональным вором.

Рыжий азартно наблюдал за переругиванием друзей, плавно перетекающим в потасовку. Мелкий был крупнее, зато Морис компенсировал размер злостью. Всё равно, что смотреть за крохотной шавкой, суматошно скачущей вокруг огромного ленивого кобеля. Видно, у недорослика кожа оказалась не такой грубой, как у горняка: струпья расползлись уже по всему телу, сияя красными расчёсанными пятнами, и коротыш сходил с ума от злого бессилия.

«Завтра гнить начнут», – отметила без какого-либо сочувствия и тут же подивилась своей холодности. Как только я получила дар, ни за что не позволила бы безвинному... или даже такому, как Морис, человеку страдать. Но то была наивная восторженная молодая ведунка. Я давно забыла, каково это – быть ею.

Между тем, Вис молотил кулаками воздух и болел то за одного, то за другого подельника:

– Дай ему, Мори, дай! А ты что сидишь? Ответь ему, Мелкий, ответь! – и, не отвлекаясь от развлечения, сообщил: – Хорошо, что тебя не оказалось вчера дома. Сдаётся мне, если бы пришла чуть раньше, дело закончилось бы плохо. Повезло, что Рора заперла нас в погребе.

– Божится, что не она, – я долго задумчиво вдыхала травяной чайный пар, Вис не выдержал и плюхнулся рядом, отобрал чашку и осушил наполовину.

– Ай! Горячо, горячо!

– Жадность – грех.

– Вот именно!

Лис повернулся спиной, не желая расставаться с напитком. Впрочем, я и не собиралась отбирать кружку. Не то добавленный в неё алкоголь впрыснул в кровь решительности, не то своей дури хватало, но я встала и потянулась. Давно пора было сделать это, бабуля наверняка массу сплетен собрала, а рассказать некому. А тут такой повод...

– Думаешь, меня попытались бы убить, поймай я вора с поличным?

– Попытались бы? – Вис тоже встал, поставил одну ногу на ступеньку повыше и оперся локтем о колено, принимая позу, с его точки зрения, наиболее убедительную. – Детка, такие люди не пытаются. Они действуют.

Я подцепила ямочку на подбородке (тоже конопатый!) ногтем и наклонилась, жарко дыша на вора настойкой:

– И, разумеется, только ты, благородный рыцарь, способен меня защитить?

– У меня всяко опыта в этом деле больше, чем у тебя, – самодовольно подвигал бровями он.

Из одной лишь вредности я вырвала чашку, и не отрывая испытующего взгляда от Виса, допила остатки кипятка, ни разу не поморщившись.

– Боюсь, в том, что касается опыта, ни одному из вас за мной не угнаться. – Скрылась в доме, торопливо, пока никто не видит, прополоскала ромашкой обожжённый рот, переобулась из городских туфель в удобные сапоги, прихватила примочки от струпьев и на выходе сунула бельчонку. Всё равно Мелкий и Морис бросили работать и клубком катались по огороду (что удивительно, коротышка побеждал). Больше утопчут, чем вскопают, тоже мне, помощнички. –

Дважды в день, утром и вечером, не упуская ни единой, в том числе самой маленькой, раны. Эй, работнички! Считайте, что оплатили лекарство! Можете проваливать!

Подельники наперегонки бросились к лису, как несколько часов назад ко мне, моля избавиться от ужасного проклятья. Я пофыркала тогда для приличия, конечно. Поотнекивалась, заявляя, что воришки получили по заслугам. Но всё же вручила инструменты и список дел, которые по весне не хочет, но обязана выполнить любая хозяйка; пообещала излечить, как только отработают. Ни один из парочки даже не вякнул, когда явившийся с ними за компанию Вис вместо того, чтобы помогать, уселся развлекать меня беседой и красочными описаниями возможного сотрудничества.

Мелкий и Морис выхватили банку и с блаженными улыбками начали натирать спины. И не поверишь, что только что чуть рыла друг другу не начистили.

Вису же, как выяснилось, моё общество понравилось.

– А ты?

– Что я? – я по памяти начертала угольком несколько защитных символов у двери и один у окна. Убить не убьёт, но оставит потенциальному вору напоминание о попытке взломать дом ведунки, а мне – возможность найти грабителя по ярко-жёлтой распухшей роже.

– Куда собралась?

– К бабушке, поплакаться на тяжёлую судьбу.

– Одна?!

– Ну, я же буду с бабушкой, – я одобрительно ущипнула Виса за щёчку, оставив на ней чёрный угольный отпечаток: – Не волнуйся, смелый рыцарь! Твоя прекрасная дама умеет за себя постоять!

Рыжий ткнул большим пальцем через плечо, в Мелкого и Мориса, с нарастающим раздражением делящих спасительное лекарство:

– Тебя вот эти два придурка на раз скрутили. Думаешь, справишься с профессиональным убийцей?

– А, так вы, стало быть, не профессиональные? – поймала на слове я.

– Мы не убийцы, – серьёзно поправил Вис. – А вот тот, кто за тобой следит, – да. Так что идём до твоей бабули вместе, а там плачься, сколько влезет. Если что, – он приподнял воротник плаща и чмокнул губами воздух, – можешь порыдать мне в жилетку.

Не желая спорить, я свистнула в два пальца, привлекая внимание горе-работничков, мотнула головой в сторону калитки, мол, проваливайтесь, и сама направилась вслед за ними. Вис не отставал, ступая так бесшумно, что я могла поклясться – никого позади нет. Хорош, чертяга! Очень хорош. И его я поймала. Насколько же хорош тот, другой, которому удалось ускользнуть?

Ведунки смертны. Мы долго живём, сохраняя молодость, меньше болеем и быстрее выздоравливаем. Но кистень, клинок, а то и просто камень, метко запущенный в темечко, уравнивает нас с обычными людьми.

А ещё солнце садится, и умный человек подождет бы до утра, а не тащился через лес ради диалога с бабулей.

А глупому человеку охрана... или компания и правда не помешает. Тем более, что бабуля наверняка доведёт меня до белого каления своим упрямством, стало быть, хорошо, если найдётся, на ком сорвать злость.

– Платить не стану, – предупредила я, поймав его за лацкан.

– Это не охрана, а всего лишь увеселительная прогулка, – Вис задрал руки, сдаваясь, и хитро подмигнул: – Кто же берёт плату за свидание?

– Не свидание!

– То есть, ты всё же предлагаешь мне деньги? Ну, тогда я просто вынужден выполнить все обязательства, которые берёт на себя подобный работник... Ты предпочитаешь с ужином или сразу запрёмся в комнате?

– Ты заткнёшься наконец?

Он легкомысленно пожал плечами:

– Ты же знаешь, что нет. Ну, где там твоя бабуля живёт?

– На кладбище. Она девяносто восемь лет как мертва.

Гарита успела отскочить от распахнувшейся калитки, а вот выпрямиться – нет.

«Надо бы щёлочку в заборе повыше проковырять, – подумала я, – а то бедная женщина скоро спину застудит, подглядывая».

А вслух поздоровалась:

– Доброго вечера, Гарита! Что нового?

Ой, зря я это! И правда ведь рассказывать начнёт...

Начала, причём, пока жаловалась, так зорко обыскивала взглядом моих гостей, что даже Вис одобрительно присвистнул.

– А я Николу сразу говорила, дурной год пошёл! Тучи видела, сразу как урожай собрали? Видела? С багряным подпалом! Ну вот, я о том и толкую! Это, значит, раз.

Гарита частенько начинала беседу с середины невовремя оборвавшегося спора. Видно, муж хлопнул дверью и отправился заливать брагой впечатления от счастливой семейной жизни, а соседке не терпелось хоть с кем-то поделиться прозорливостью. Беседа, впрочем, не мешала ей собирать информацию для новых склок, ведь спутники у меня подобрались и правда колоритные.

– Град неделю, как только весна началась, шёл? Шёл. Это два. Черная птица над воротами летала? Летала! Это три... – торжествующе загибала пальцы она. – Дурные предзнаменования, как есть говорю! Ой, детонька! На вот сладенького!

Подслеповато шурясь, соседка взлохматила жиденькие волосики Мориса, попытавшегося обогнуть тётку, и вынула из передника какой-то засохший огрызок: собаке, небось, несла.

– Ну-ка руки! – шлёпнул её по ладони коротышка. – А то без них останешься!

Гарита шархнула от языкастого «ребёночка» и налетела на Мелкого, который, я знала это по себе, при первой встрече впечатление производил неизгладимое.

– Вы не пугайтесь только, – добродушно пробасил горняк, приподнимая бабу над землёй и аккуратно отставляя с дороги, – он у нас руки никому не рубит, для этого обычно меня зовут.

– А... это... – слабо покачиваясь, она задрала голову, прикинула размеры Мелкого и, на всякий случай, схватилась за моё плечо.

– Это мои родственники, – торопливо сочинила я. Вис прыснул, испортив легенду, и я добавила: – Дальние. Очень-очень дальние и нелюбимые.

Когтистая лапка изящно перехватил ладошку Гариты и наклонился, касаясь её губами:

– Миледи бессовестно врёт. Лично я – точно ей не родня. Я всего лишь безнадежно и страстно влюблённый кавалер, который жаждет внимания и снисхождения.

– А получает тумака, – закончила я за него.

– Холодна и недоступна, – Вис приложил руку к груди, но увлёкся, поправляя любимый плащ, так что изобразить скорбь не вышло. – Но мы ещё посмотрим, кто кого.

– Кто кого что? – подозрительно уточнила я.

Морис пошленько заржал, Мелкий покраснел. Вис невозмутимо ответил:

– Убедит. Кто кого убедит.

Гарита медленно перевела взгляд с подтянутого обнажённого пуза Мелкого (выше смотреть было страшно) на макушку Мориса, а с неё – на румяную физиономию рыжего нахала. Сильнее вцепилась в моё плечо, но поддержки не почувствовала, поэтому попятилась:

– Знаешь, Варна, пойду я. У меня там...

– Каша убегает? – ехидно предположила я.

– Ага, она. И я тоже того... побегу. И... знаешь что?

Соседка поманила меня, косясь на троицу мужиков: не подслушают ли?

– Чего?

– Только ж ты никому!

– Гарита, за кого ты меня принимаешь? Разве мы с тобой станем сплетни разносить? – не скрывая иронии, поинтересовалась я.

Она хмыкнула, но предпочла не заметить укола.

– Городничего-то нашего того... ограбили!

– Да что вы говорите? – шёпотом встрял Вис, невесть как оказавшийся рядом, наклонившийся к нашим лицам и наостривший ушки. Удивление он при этом изображал куда лучше, чем мы с Гаритой вместе взятые. – Вот же люди! Как земля таких носит?! И что стащили?

Гарита мгновенно переключилась на более благодарного слушателя:

– Да мне-то почём знать? Разве кто будет рассказывать простой женщине про украшенный камнями подсвечник, шкатулку с драгоценностями и флягу того... как её? Колленкционную, во!

Вис, только что приложившийся к фляге с травяной настоечкой, закашлялся, поспешно заткнул пробку и спрятал бутылку во внутренний карман плаща.

– Кошмар!

– Ужас! – поддержала Гарита.

– А подсвечник на сколько потянет? – деловито уточнил Мелкий, но тут же получил от Мориса пинок под колено. – Ай, ты чего дерёшься?

– Лет на шесть каторги, – прищурилась я на рыжего. И без того ясно, кто в этой шайке заводи́ла.

Но тот только озорно улыбнулся краем рта и чуть приподнял плечи, мол, что я могу поделывать? Случайно как-то вышло...

Я посмотрела на его медные кудряшки, непрестанно шевелящиеся на ветру, на веснушки, точно перебегающие с места на место... и решила не злиться. В конце концов, городничий не обеднеет.

Вскоре Гарита поспешила убраться. Теперь же нужно не только новость про городничего разнести, но и рассказать про непотребные отношения ведунки сразу с тремя разномастными мужиками! Кроме неё, с таким делом никто достойно не справится.

Избавиться же от элитного охранного оказалось куда сложнее. Вис намекал, подмигивал, отпихивал то одного, то второго, но коротышка и гигант, терпко пахнущие потом, грязные, замученные (я старалась!) и крайне этим недовольные, всё равно тащились следом.

– Ребят, ну честное слово, мы прогуляемся без вас, – с нажимом повторял рыжий. – Девушке нужно побыть одной, так сказать, почувствовать связь с предками. Я вполне смогу защитить её, если что.

– Угу, – поддакивал сердитый Морис. – Ты пальчик занозишь – и сразу в крик. Толку от тебя, как от рыбы сыра!

В какой-то момент Вис ухитрился положить мою руку на сгиб своего локтя, но к тому времени, как я обратила на это внимание, вырваться было уже поздно.

– Ребята, вы устали, – убеждал их вор. – Вам домой хочется.

– Да ничего, мы ещё пошатаемся! – благодушно возразил Мелкий.

Вот уж не думала, что лис умеет злиться, но, кажется, у него и правда от раздражения закрипели зубы.

– Ребята, – взмолился он, прикрыв рот ладонью, чтобы я не расслышала (но я, конечно, расслышала), – у меня ж тут жара пошла! Ну что вы как эти, ну?

«Ребята» понимающе переглянулись и злодейски потёрли ладошки: им явно с самого начала хотелось куда-то тащиться куда меньше, чем подгадить другу. И тут я их прекрасно понимала: не сделать подлянку Вису – это ж какой силой воли надо обладать!

– Что говоришь? – подчёркнуто громко уточнил Морис.

Мелкий тоже приложил к маленькому ушку огромную ручищу:

– Ась?

– Я говорю... – безнадёжно попытался повторить лис.

– Он говорит, жара у него тут пошла, – не выдержала и заржала я, согнувшись пополам и повиснув на локте воришки. – Вот только извини, бельчонок, но у тебя ничегошеньки не идёт!

– Это мы ещё посмотрим... – мстительно пробормотал он.

Вдоволь навеселившись и наизображавшись сладкую парочку, следующую за нами под ручку (Морис был вынужден идти на носочках и тянуться вверх, а Мелкий, напротив, шагать на полусогнутых), они всё же отстали.

А мы, я и вор, которому точно не следует доверять, отправились знакомиться с бабулей.

В городе Вис был спокоен. Только проходя мимо стражников приподнял воротник и невзначай наклонился, якобы шепча мне что-то ласковое на ушко, скрывая физиономию. Но мужикам оказалось не так интересно, с кем это ведунка направляется из ворот на ночь глядя, как допрашивать надувающего щёки и краснеющего от негодования толстяка. Купец, а даже я видела, что это купец, приехавший заранее на завтрашние торги, клялся Угольком, что едет в гости к куму, а пузатые мешки на телеге – это гостинцы, а никакой не товар. Старший по караулу согласно кивал, но без пошлости не пропустил бы и родную матушку.

В лесу вор веселье поумерил. Это по улицам можно ещё долго после заката бродить: стены, нагретые солнцем за день, медленно отдают тепло, разделяя его между людьми и прильнувшими к белёным камням мухами; в окнах один за другим загораются жёлтые огоньки, из едален далеко разносятся заманчивые ароматы и хохот завсегдатаев, отражающийся от домов и рассыпанными монетами скачущий по мостовой.

Здесь иначе. Тьма приходит в лес раньше, выглядывает из-за деревьев и хищно облизывается на глупых людишек; скрипуче хихикает, тянет длинные тонкие пальцы... Отсюда она расползается по холмам, вскипает и выплёскивается, заливая крашенные столбики ворот, накрывая площади и до утра ночуя в переулках, куда не решится заглянуть ни один смельчак. Лишь подстёгнутый пьяным безрассудством покачивающийся мужичок рискнёт бросить вызов тьме, поругается с только ему видимыми тенями, да и нырнёт в бархатные объятия. И кто знает, отыщет ли его с рассветом бранящаяся жена?

Вот и воришка ёжился от ледяных прикосновений к спине, неосознанно боялся оглянуться, всё сильнее лгнул ко мне, дышащей этим холодным сырым местом, как он жёлтым вечерним светом чистых харчевен.

«Я не струсил! – говорил весь его вид. – Это тропинка сужается, заставляя людей жаться друг к другу, вдвоём дерзко разрывать пелену лесной мглы».

Я ухмылялась. Я родная здесь, принятая темнотой много десятилетий назад. Для меня она не черна и не наполнена ужасом. Для меня открыты краски этой ночи: синие, жёлтые мазки, вихрящиеся, завивающиеся в сладкий томительный водоворот, зовущие в танец и мягко укутывающие озябшие плечи.

– Это самое странное свидание в моей жизни! – непочтительно громко заявил Вис, уверенный, что нахальством можно отпугнуть и страх, и ночь.

Я продолжала приветливо улыбаться густым, как кисель, сумеркам и машинально отмахнулась:

– Это не свидание.

– Это только твоё мнение. У меня – своё. И что же, мы правда пойдём на кладбище? Зар-р-р-паз!

Споткнувшись о перегородивший дорогу корень, он заскакал на одной ноге, сообщая лесу всё, что о нём думает.

– Ты про свою маму такое говори, а с моей поосторожнее! – сварливо отозвался лес.

Вис поймал меня за талию и дёрнул, не то пытаясь защитить от словоохотливой темноты, не то, наоборот, закрываясь от неё живым щитом.

– О-о-о, герой! – гаденько захихикала коряга у тропы. Корень, так неудачно, словно живой («словно», ага!), подвернувшийся воришке, медленно укорачивался, пока на сравнялся длиной со второй рукой Пенька. – Тебя жизнь ничему не учит, Варна? Нормальных мужиков совсем не осталось?

– Нормальных ты своими шуточками до икоты довёл, а зачем мне ущербные? – делано вздохнула я.

Рыжий тоже икнул, но только один раз. После чего выступил вперёд, присел на корточки и попытался коснуться говорящего пня.

– Оно что... оно... оно – живое?!

– Но-но-но-но! – выругался дедок. Трусешек он всё же любил немного больше, чем любопытных экспериментаторов. – Эй, растопырки убрал! Лапать он ещё меня будет! Я тебе самому сейчас бороду повыдираю!

– Это не борода, это волосы, – поправил Вис. Он не только не спешил выпутывать руку-ветку из своей шевелюры, а ещё и сам любопытнее дёргал пушистую растительность на растрескавшейся морщинами коры мордочке лесовика.

– Да кто вас, человек, разберёт!

Вис обернулся ко мне с неподдельным детским восторгом:

– Оно живое! – сообщил он, как великое открытие. И добавил задумчиво: – Это ж можно в клетку посадить и продать богачу такое чудо...

– В клетку? – заскрипел дедок. – Опять?! Не-не-не, мужик! Так не пойдёт! Не живой я, нетушки!

И тут же, не разделяя слово и дело, врос корнями в землю и замер, став неотличим от обычного узловатого пня. Когтистая лапка примерился, попытался его приподнять, потом подрыть, но старик упрям. Наверняка запустил корни до самых подземных вод: не то что в одиночку, вдесятером теперь не выкопать!

– Лопаты нет? – уточнил Вис. – Нет? Точно? А если посторожить и сбегать...

– И что? Сбывать на рынке кусок дуба? – я присела на пенёк, пока старик изображал древесину. В другой день он бы мигом осерчал, но теперь-то из роли уже не выйдешь!

– Но он же живой!

– Разве? – я стукнула по коряге. В ответ из глубин дерева донеслось приглушённое ворчание, но пенёк так и остался пнём. – Обычный чурбан.

– Но я же слышал!

На пенёке проступил рот.

– Я есть пенёк! – сообщил он. – Иди в...

Куда именно, мы так и не узнали, но догадывались. Рот пропал так же легко, как и появился, затерявшись в складках коры.

Вис восхищённо выдохнул, сел на землю и привалился спиной к пенёку.

– Потрясающе! А ещё что есть интересное? Ах ты зараза гнилая! – с руганью вскочил, хватаясь за ягодицу.

Пенёк старчески едко захихикал, втягивая колючую ветку обратно.

– Интересного я тебе гарантирую, – пообещала я, легко поднимаясь и сама хватая рыжего под руку: – Ты как, на кошмары не жалуешься?

Глава 7

А он мне нравится!

Дальше через лес Когтистая лапка шёл смело. Если, конечно, можно назвать смелостью попытку закидать камнями дрожащего под кустом зайца и доблестное сражение на кулаках с покосившейся осинкой. Но то, как рыжий спасал меня от сверкнувшей в свете живого мха паутины, было даже мило. Самого мха, кстати, вор не испугался, так что я не стала его предупреждать, что ползущее по стволам за нами серебристое пушистое пятно плотоядно, а обожрать до костей заночевавшего в лесу человека или заблудившуюся корову ему ничего не стоит. В конце концов, пятно небольшое, его вполне можно спугнуть огнём: маленькие хищники чахнут от любого света ярче собственного, даже в полнолуние не рискуют выбираться из нор.

Наконец, началось кладбище. Просека сузилась до тонкой нити, последней надеждой соединяющей нас со скрывшимся в чащобе городом. Уже не распознавались, только угадывались далёкие окрики, давно затерялся среди прелой гнили запах селения, а за сияние факелов у городских ворот Вис уже версту как принимал костёр пастухов, отправившихся с лошадьми в ночное. Я не смеялась над воришкой, когда он сверялся с неверным светом, боясь заплутать. Пусть думает, что и в одиночку, если что, отсюда выберется. Что его выпустят без моего дозволения.

Он не заметил, когда холмики, через которые петляла тропка, подросли и стали встречаться чаще. Присел на один, перешнуровать сапоги.

– А ничего тут, спокойно. И деревья стали реже. Красивое место.

Я стояла рядом, скрестив руки на груди. С тоскливой улыбкой осматривала пушистые, первыми зазеленевшие горочки. Место и правда красивое, спокойное. Лес как будто отступил, прижал к животу лапки, чтобы днём не мешать несмелому весеннему солнцу нагревать поляну и радовать теплом скрючившихся внизу мертвецов, а ночью не застилать от них звёзды. Когда я была девочкой, поляна была занята могилами едва ли на треть...

– Для мёртвых всегда выбирают красивые места.

Вис откинулся назад, ладонями опираясь о курган.

– А и зря. Лучше бы живым их оставили.

Я присела на корточки, нащипала жухлой прошлогодней травы и прикрыла проклянувшийся на соседнем пригорке цветок. Того и гляди, снова ударят морозы. Да и без них ночи пока холодные, хоть днём и жарит почти по-летнему.

У нас не принято обозначать и подписывать могилы, как делают на севере страны. Там зимы холоднее, снега наметает выше человеческого роста. Им, наверное, и правда нужны торчащие из земли метки и яркие полотенца с вышитыми именами, повязанные на них. Мы считали иначе: пока есть те, кто помнит, письма ни к чему. А я помнила каждого, кто здесь лежит. Могла лежать рядом, найдя пристанище с теми, с кем родилась, с кем прожила короткую, но наверняка счастливую жизнь. Правильную. Если бы не оказалась дурой.

– Ну так когда кладбище-то начнётся? Мне пугаться уже или как?

Я выпрямилась, украдкой проверила, не мокрые ли щёки, и только после этого повернулась к спутнику.

– Можешь и пугаться, – указала на теснящиеся холмики.

Сейчас завершит, вскочит, начнёт брезгливо отряхиваться и плевать через плечо, чтобы смерть не пристала.

Вис и правда поднялся. Не слишком торопливо. Посмотрел на курган, склонив голову на одну сторону, на другую...

– Нипочём бы не догадался, – признался он виноватым шёпотом. – А камни где?

– Камни?

– Ну, чтобы мертвец не выбрался и к живым не вернулся, камень сверху надобно положить, – пояснил вор.

Камень... Холодный, тяжёлый, давящий, прижимающий к груди студёную густую черноту... Чтобы не выбрался. Чтобы не навредил, не напугал. Чтобы закопать – и забыть.

– У нас так не делают. Обычно... – закончила я едва слышно.

Даже не знаю, где делают. Далеко. Очень далеко. И это «далеко» Вис тоже видел.

Я стояла посреди могил. Неживая среди мёртвых. Вот тебе и увеселительная прогулочка, вот тебе и посмеялась над докучливым воришкой. Горло перехватило удавкой слёз.

Хотела ли я и правда пошутить над рыжим нахалом? Или просто боялась идти одна к тем, кого так несправедливо пережила?

Он не произнёс ни слова. Лишь переплёл свои пальцы с моими: горячие с ледяными и дрожащими. И стоял так ещё долго-долго, в кои-то веки сдержав болтовню.

Ветер нетерпеливо пробежался по холмам, потрепав молодую поросль на них, как макушки притихших сорванцов. И умчался дальше, туда, где меж пригорков белели камни – мелкие и побольше. Они, точно пятна сливок на полу, призывали следовать за собой, чтобы уличить стащившего лакомство кота. Ветер успел соскучиться. Что ж, я тоже.

– Идём, – не выпуская руки, я потянула его вслед за смерчем, к каменному валу.

Нагромождение смотрелось здесь чуждым, ненужным. Точно стены темницы, разделяющие иссыхающих заключённых и честной народ, веселящийся на площади. Вроде и рядом, а непостижимо далеко...

Вис ойкал, с непривычки напарываясь на камешки помельче и спотыкаясь о крупные, я же перескакивала с одного на другой, зная, который из них выдержит, а какой вывернется из-под стопы. Когда-то я бывала здесь очень часто. Когда-то очень давно.

– Их сюда что, специально притащили?

Вор перелезал через булыжники, протискивался мимо слишком близко стоящих валунов, как вёрткий зверь. Гляди ж ты, приноровился! Неужто прежде придуривался, притворялся неуклюжим парнем? Или, может быть, отвлекал меня от тёмных мыслей беззлобной руганью? Да нет, вряд ли!

– Может и специально. Они стоят здесь уже... давно, – смягчила я слово.

Всегда. Они стояли здесь всегда. Кажется, они и выросли здесь специально для неё. Для нас... И, когда придёт срок, один из камней дождётся меня.

– Да тут прямо как в горах! – на горизонте холмы и правда каменели, темнели провалы и расщелины. Но туда я старалась не смотреть.

– Ты и в горах успел побывать? – голос дрогнул от зависти, и я зло закусил губу, поняв, что выдала себя. Я не видела ничего. Только слышала о далёких странах от приезжих.

Мне не сбежать, моё место здесь. Потому что здесь – мой камень.

Вис с готовностью принялся рассказывать:

– Лучше гор могут быть только... горные харчевни! Ты бы знала, как варят пиво горняки! Кто бы мог подумать, да? У них и хмель-то не растёт, всё покупают. Иной раз за валюту его принимают, ну и, знамо, не переводят на паршивую брагу... Сердцем я всё ещё там. Знаешь, когда меня туда занесло... – Вор запнулся и неосознанно потёр запястья. Но продолжил всё так же бодро: – С торговым обозом. Мы путешествовали, продавали шелка и драгоценности...

– Горнякам-то? – недоверчиво хмыкнула я. Сразу представился Мелкий – укутанный невесомой тканью, возлежащий на подушках, звенящий браслетами с камнями в такт движениям многочисленных танцовщиц...

– Миледи, – Вис замер на плоской вершине последнего булыжника, который мы смогли преодолеть поверху, дальше придётся протискиваться между, элегантно поклонился, – красота ценится везде. Ваш покорный слуга был одним из лучших знатоков своего дела, пока на наш

обоз, – он очень реалистично всхлипнул, покачнулся и чуть не свалился с камня, но ловко удержал равновесие, – пока на наш обоз не напала толпа разбойников. Зубастых! – он изобразил страшную рожу. – Кровожадных! – взмахнул невидимым мечом, вспарывая брюхо несуществующему врагу. – Я выжил чудом! Лишь благодаря удаче и красноречию... – пружинисто прыгнул, приземлившись точно на ровный пяточок грунта.

– Замучал их болтовнёй? – перевела я, съезжая по шершавому валуну к вору в объятия. – Они предложили тебе отправиться на все четыре стороны, ещё и доплатили, чтобы поскорее убрался?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.